

АНДРЕЙ
ПОСНЯКОВ

ВАТАТА

НОВАЯ ОРДА

Ватага

Андрей Посняков

Новая Орда

«ЭКСМО»

2013

Посняков А. А.

Новая Орда / А. А. Посняков — «Эксмо», 2013 — (Ватага)

ISBN 978-5-699-62901-5

Продолжение знаменитого цикла «Ватага»! Наш современник, частный предприниматель Егор Вожников, угодивший в начало пятнадцатого века, уже много чего добился – княжество, красавица жена и далекоидущие планы. Правда, на пути Егора стоит коварная Орда, где старый эмир Едигей – давний враг Руси – по-прежнему сажает на трон угодных ему ханов. Однако претендентов на ордынский престол хватает: все чингизиды, сыновья Тохтамыша, искренне ненавидящие друг друга. Больше всего шансов у царевича Джелал-ад-Дина, который в союзе с Великим князем Литовским Витовтом успешно выбил Едигея из Крыма. Именно Джелал-ад-Дин может возродить былую мощь Великого ханства, и тогда кривая ордынская сабля вновь зависнет над русскими землями. А пока у татар – распря, и князь Егор понимает, что другого шанса подчинить себе Орду может и не оказаться...

ISBN 978-5-699-62901-5

© Посняков А. А., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	21
Глава 3	35
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Андрей Посняков

Новая Орда

Глава 1

Две пары в сапоге

Осень нынче выдалась слякотной, холодной – с конца сентября нескончаемой пеленой шли дожди, а на Покров даже выпал со всей щедростью снег, правда, не здесь, на границе Верховских земель, что по реке Оке, а севернее, к Твери ближе. Полежал, побелел, да вскорости весь растаял, и теперь, в середине ноября, погода установилась теплая, причем даже не особенно влажная – сквозь разрывы жемчужно-белесых облаков то тут, то там проглядывало лазоревыми заплатками небо. Блестело и солнышко, не все дни, конечно, но выходило, вырывалось из облачного плена, улыбалось радостно, словно наверстывая упущенное за длинную и хмурую осень.

– Ох ты, Господи, чай, весна! – прищурившись от попавшего в глаз озорного луча, сдвинул на затылок шапку кудлатобородый широконосый мужик лет тридцати – в справном кафтане доброго немецкого сукна, какое опытный глаз ни за что не перепутает с местным, в юфтевых, испачканных в бурой болотной грязи сапогах, при висевшей на широком поясе сабле.

Мужик стоял, упираясь рукой в могучий ствол дуба, выросшего на небольшом холме, и старательно всматривался вдаль, словно бы поджидал кого-то. Рядом, у дуба, на небольшой, уже успевшей порости свежей зеленой травкой поляне, паслись две стреноженные лошади, одна – с черной мохнатой гривой, другая – куда более изящная и, судя по виду, никогда не ходившая под ярмом. Боевой скакун, еще бы!

Хозяин скакуна – молодой статный красавец с чувственными, чуть скривленными будто в вечной насмешке губами и тоненькими усиками с ухмылкой покосился на своего напарника, или – вернее сказать – слугу:

– Весна? Ты так любишь весну, Ожениа?

Мужик неожиданно озадачился:

– Да не так чтоб уж очень, господине Яндыз. Однако ж дед-то мой крестьянствовал, это потом уж батюшка в вой попал, а я уж совсем в люди выбился...

– Хм... в люди... – тонкоусый прищурил левый глаз. – Неужели?

– А так и есть! – Судя по всему, Ожениа убежденно стоял на своем, да и разговор этот меж этими двумя не впервые уже заводился, все больше – Ожениа, а Яндызу было приятно, хоть и насмешник, а все ж...

– Так и есть! – Повторив, напарник-слуга пригладил растрепавшуюся бороду, ловко прикрыв рукой скользнувшую улыбку – о, он-то знал, что господину эта беседа – вместо меда. – Так и есть! Был – никто и звать никак, а ныне – при самом царевиче состою! Шутка ли?

Белолицый красавчик расхохотался и хлопнул напарника по плечу:

– Хитер ты, оглан, хитер!

Ожениа ухмыльнулся:

– Чего ж хитер-то? Все, господине, знают, что ты – самого Тохтамыш-царя сын, пусть и не старший... пусть и при Москве, при Василии-князе... пока...

Пока, пока...

Верно сказал, гяур, собака! И верный слуга – преданный, хоть и урус, да таких еще поискать. Эх, Ожениа, до чего ж ты прав-то, до чего прав! Знает, иблис, чем уесть... и как о старом думать заставить... и о новом мечтать!

Качнув головой, Яндыз нервно сплюнул: все так и есть, чего уж. Он, чингизид, сын самого Тохтамыша, нынче вот – в служилых человечках у князька московского! Докатился, позор-то какой! А куда было деваться, ежели такая резня пошла – еле ушел, еле ускакал от братца двоюродного Булата, не предупредила бы верная нянька, так и не было б уж давно в живых царевича! Спасся тогда, повезло, а вот нянька... Ее отрезанную голову прислали беглому чингизиду с нарочным – намек яснее ясного. Ах, Булат, Булат, братец... Ничего, у покойного батюшки Тохтамыша – да будет ему вечная жизнь на небесах – сыновей много осталось, а Булат – не самый удачливый хан. Ну и что, что на престол Орды уселся? Сел, да не сам, старый эмир Едигей посадил – лиса та еще и шакал, каких мало! Захочет – другого хана посадит... ежели до него самого другой братец – Джелал-ад-Дин (змея ядовитейший!) прежде не доберется, – а дело, по слухам, к тому идет. А еще хитрый волчина Керимбердей – тоже брат – в Кафе прячется. Видать, и он что-то замышляет, а как же – всей Великой Ордой повелевать кому ж неохота? Вот и Яндызу – охота, а как же, разве ж он не чингизид? Ничего, посмотрим еще, чья возьмет да как кости судьбы лягут – московский князь, конечно, нищий (после того как его какой-то лесной ватажник-атаман потрепал), но войско у него есть, а раз есть войско...

– Господине! – Ожени востепенулся, посмотрев сквозь голые кусты на черневшую узкой грязной лентой дорогу. – Кажись, едет кто-то... вона, за вербами.

– Не «кажись», а едет. – Щурясь от вновь вышедшего из-за синей тучи солнца, царевич прикрыл глаза рукой. – Не слышишь, что ли, как грязь под копытами чавкает?

Слуга поспешно согласился:

– И правда. А вон и всадник... Ага – один... Послать воинов, господин?

Яндыз резко мотнул головой:

– Нет! Я встречу его один...

– Но...

– Коня мне, и живо!

Махнув рукой, Ожени со всей поспешностью бросился исполнять приказание, знал – царевич в гневе может и плеткой по спине приласкать, с него станется.

Миг, и Яндыз, подгоняя коня, уже мчался к дороге. Молодой, красивый, в легкой походной кольчужке с небольшим серебристым зеркалом, он сидел в седле, как влитой... еще бы. На кольцах кольчуги, на усыпавших рукоять тяжелой боевой сабли камнях-самоцветах играло солнце. Не сбавляя хода, царевич перемахнул широкой овраг и оказался у самой дороги, однако дальше уже не поехал, осадив коня сразу за вербами. Остановился, подбоченился гордо – не дело чингизида к кому-то там спешить, пусть тот, кому надо, сам с подобающей честью подъедет! Ну да, сам... а как же?

Думая так, лукавил молодой царевич Яндыз, сам перед собой лукавил – как раз именно ему-то больше всего этот вот всадник, неприметный такой человечешка, и нужен был в первую голову! Именно ему, Яндызу – не Василию-князю. Впрочем, и Василию – нужен, но... У царевича насчет своей московской службы имелось собственное, в корне отличное от княжьего, мнение, о котором Яндыз, впрочем, предпочитал благоразумно помалкивать, ибо, кроме броской внешности и отваги, природа наделила его еще и умом.

Юный чингизид не сделал более ни одного движения, просто застыл в седле, словно статуя, а приблизившийся всадник, заметив – попробуй такого не заметить! – сразу же заворотил лошадь к вербам, едва не ухнув в огромную черную лужу, в которой отражалось веселое смеющееся солнце.

– От так осень, ядри ее... – Выругавшись, путник встретился взглядом с Яндызом и, спешившись, поклонился: – Не скажешь ли, батюшка воевода, далеко ль отсель до Смоленска?

Яндыз скривил губы:

– По заполюшью – к вечеру будешь...

Царевич нарочно произнес лишь половину тайных слов, наслаждаясь явным замешательством посланца, и, лишь увидев в его глазах явную готовность убежать прочь со всех ног, небрежно добавил:

- Ежели на Соловья-разбойника не нарвешься.
- А Соловушка-то в Смоленске, чай?
- Соловушка-то в Смоленске, а вот ты кто?

Яндыз говорил по-русски чисто и правильно, словно этот язык был для него родным... впрочем, вторым родным – в Орде-то? Запросто!

- А я Кузьма, Якшам Кудяма-гостя приказчик, смоленские Ордынцем кличут.

Все правильно, все без подвоха... вроде бы. Царевич все же окинул подозрительным взглядом округу. И сам себе ухмыльнулся – чего так переживать-то? Какой тут подвох, когда с одной стороны купцы – ордынские гости, а с другой... с другой – под его, Яндыза, командованием нынче три с половиной сотни не самых последних рубак, набранных Василием из Верховских княжеств, где никогда не поймешь, чья земля – то ли русская, то ли литовская, одно слово – пограничье, никакой толком власти нет, и повадки у всех соответствующие. Нет, вообще-то эти парни Яндызу нравились – по сути, он и сам был такой же, как они – изгой, и всего за душой – верный конь да острая сабля. Конкистадор! Воитель!

– Что-то ты припозднился, приказчик Кузьма, – не сходя с коня, покачал головой царевич.

Посланец захлопал глазами и снял порядком замусоленную шапку, кажется, беличью, а может, и из собаки, кто его знает? Вообще Ордынец одет был простенько, неприметненько, как при его делах и положено: армячок, грубого сукна полукафтан, сапоги дегтем – чтоб воду не пропускали – смазаны.

Яндыз не удержался, съязвил, нос поморщив:

- Ну и запах же! Ты, Кузьма, словно бы не в приказчиках – в углежогам. Так что скажешь?
- А... – приказчик опасливо огляделся по сторонам и, никого не заметив, привязал коня к вербе.

– Ты глазами-то не стреляй – я заплачу, как уговаривались. Ну? – сощуриив карие глаза, чингизид пытливо взглянул на собеседника.

– Припозднились нынче мы, – поспешно, но как-то издалека начал тот. – Растаяло все, поплыло – дороги нету, вот и пробирались шляхами еле-еле, да чрез болота – по гатям, а гати те...

- Хватит про гати, – не выдержал Яндыз. – Дело говори! Какие с Орды вести?
- Дак я и говорю...

Посланник несколько раз поклонился и дернулся, отчего стал напоминать тряпичную куклу, коей по праздникам тешили народ кощунники-скоморохи, потом шмыгнул носом и, понизив голос, поведал о том, что к каравану уважаемого сарайского купца, работорговца Якшам Кудяма, прибились какие-то непонятные люди, и вовсе ни на каких торговцев непохожие.

- Чем непохожие? – тут же перебил царевич. – Повадками? Одеждой? Обликом?
- Да нет, – Кузьма махнул рукой. – По одежке да облику – татарва и татарва, чего ж...

Тут Яндыз покривился, подумав: а не рубануть ли наглеца саблей? Почему б и нет? Какой от такого малахольного толк? Сколько времени уже говорит – а толком-то еще ничего не сказал... но и не признал в Тохтамышевом сыне татарина – значит, и возможные, подосланные братцем Булатом убийцы не признают... хотя они ведь и просто выспросить могут – кто есть кто при князе московском Василии?

Между тем приказчик, по всей видимости, угадал во взгляде молодого «воеводы» нечто такое, что заставило его наконец говорить внятно и четко:

– Двое их, один – старик в белой чалме, Асраил-хаджи, главный, второй – молодой – Каюм-бек – в помощниках, но тоже по нраву гордый, не купцы оба – точно. С ними слуги – все дюжие молодцы, один к одному, оружны, товаров никаких не везут, и сам господин Якшам Кудям их почитает.

– Та-ак, – выслушав, задумчиво протянул царевич. – И что, больше ты про них ничего такого не знаешь?

– Точно не знаю. – Ордынец неожиданно усмехнулся: – А поразмыслить могу – есть с чего, господине.

– Ну-ка, ну-ка! – Наплевав на весь свой гонор, Яндыз тут же спешил и нетерпеливо потер руки – посланник-то оказался с головой, а ведь этакой тюрей прикидывался. – Говори, с чего там поразмыслить?

– Хозяин мой, Якшам Кудям, путь за Окою-рекой сменил. Раньше все севера́ми ходили, Смоленским шляхом, а теперь, вишь ты, по-иному – на Тракайскую дорогу свернули. Смекай, господине, куда?

– Да в Литву, – нервно усмехнулся «воевода». – Куда еще-то?

– Еще я вызнал – путями разными, – эти двое, Асраил-хаджи с Каюм-беком, богатые подарки с собою везут, да не просто богатые, а... У меня знакомец в Новом Сарае, златокузнец, так он много чего про камень да золото порассказывал.

– Так что везут-то?

– Шлем с золотой вязью работы изысканной, к нему – доспех наборный, пластинчатый, тоже весь в узорочье – истинно ханский! Такой только одному подарить можно...

– Витовту! – Яндыз зло щелкнул пальцами, что в тишине прозвучало выстрелом из ручницы, согнав усевшихся на вербе ворон.

Лениво захлопав крыльями, серые птицы закружили, закаркали, словно недовольные шумом.

– К Витовту едут – да! – оглянувшись, прошептал посланник. – Мыслью – хан Булат к нему послал или сам Едигей-эмир... Да неважно, кто, важно – зачем?

Царевич удивленно моргнул:

– Вижу, ты и об этом поразмыслить можешь?

– Могу, – быстро кивнул Кузьма. – Да тут и размышлять нечего, ясно все: помощи у Витовта просить эмир хочет. Против Джелал-ад-Дина... Или Керимбердея – все одно. Нету уж у эмира былой силы, а Булат-хан – так, тряпица...

– Вороны... – зримо представив братьев, зашептал Яндыз. – Как же я вас всех ненавижу, как...

Подняв голову, царевич посмотрел в жемчужно-серое небо... и вдруг вздрогнул, отпрянул, едва не упав в грязь. Показалось, будто сквозь облака смотрит на него отрезанная голова старой няньки. Если б не она...

– Вороны! – сплюнув, ощерился Яндыз. – Вороны...

Постоял, поругался и как ни в чем не бывало вновь повернулся к посланнику:

– А что за караван, сколько в нем охраны?

– Больше, чем обычно, – негромко пояснил Ордынец. – Из-за тех двоих. Сотня будет.

Царевич презрительно прищурился и ухмыльнулся:

– Путь ваш мне обскажи обстоятельно – где обычно ночуете, сколько караулов да где...

– Обскажу, господине, что знаю. – Кузьма неожиданно улыбнулся... так, как, наверное, улыбался бы серийный убийца, вонзая нож в сердце очередной жертвы. – К Якшаму-купцу у меня тоже свой счет есть. Ты его не трожь, господине, а? Пусть моим будет.

– Пусть.

Первое желание Яндыза было – убить! О, знал он хорошо обоих, правда, виду не показал – зачем? Асраил-хаджи, Каюм-бек – все с Булатом к власти пришли, он – к большой, они

– к той, что поменьше. Асраил – хитер и коварен, Каюм-бек – решителен, храбр... и глуп. Ну зачем сабле мозги? За нее хозяин думать должен. Если б не та задержка на охоте, если б не посланный старой нянькой вестник, вполне возможно, полетела бы с плеч голова несчастливца царевича Яндыза, срубленная острым клинком Каюм-бека! Его воины – отъявленные головорезы, надо принять в расчет... так и сотни Яндыза не в чистом поле найдены! Тем более, их ведь и больше, так что... Убить! Убить! Придушить смрадных гадов, срубить обоим головы, как они ему хотели когда-то... убить... убить... Убить? Нет! Сперва пытать надо! А потом к Василию-князю доставить – вдруг да выйдет что-то в Орде замутить в своих интересах? Вдруг да получится? И тогда он, Яндыз, очень может быть...

О-о-о! Пришпорив коня, чингизид застонал, закусил губу, прогоняя только что взлелеянную самим собою мечту, прогоняя не потому, что мечта эта несбыточная, а лишь по одной причине – не упустить, не сглазить! И тогда да поможет Всевышний!

Воины царевича нагнали купцов быстро – на полном скаку взлетев на вершину поросшего редколесьем холма, Яндыз увидел внизу вереницу серых, приплюснутых жемчужно-свинцовым небом кибиток, перемежавшихся выючными лошадьми и всадниками в шлемах и с копьями. Белая чалма маячила где-то за первой повозкой... или просто так показалось, ведь с такого расстояния сложно было рассмотреть все подробности, тем более – узнать человека. И все же царевич чувствовал – вот они, оба врага – там! Асраил в белой чалме и – рядом, на вороном коне – Каюм-бек.

Оглянувшись, Яндыз поднял вверх руку в расшитой золотой нитью перчатке:

– Лучники – вперед. Во-он по тому овражку. Как мы подскочим ближе, начинайте метать стрелы. Да! Сначала огонь – из ручниц и гаковниц – по первой телеге. Пусть встанет намертво – ясно?

Кивнув, командир лучников – высокий нескладный парень со сломанным носом и нехорошим взглядом мелких, глубоко посаженных глаз – молча поворотил коня. Лучники помчались к оврагу, словно стая волков, почуявших добычу, стоившую того, чтоб поскорей вонзить в нее клыки. Проводив воинов взглядом, Яндыз улыбнулся и надвинул пониже шлем, высокий, с золоченой полумаской и стальными полосками вместо кольчужной сетки – бармицы. Обернулся:

– Ну, едем. Ожени, твоя сотня пусть обходит слева. Там болото, похоже. Смотрите, не утоните.

– Ниче! – ухмыльнувшись, кудлатобородый кивнул своим: – За мной, парни.

Еще один отряд помчался к дороге, сливаясь с низким небом, тускло светившимся палевым цветом. Царевич выдержал паузу и, тронув поводья, пустил лошадь по склону холма вниз, чувствуя позади хриплое дыхание коней и лязг доспехов.

Голые ветки ольхи и рябины хлестнули по шлему, зачавкала под копытами не по-ноябрьски сырая земля. Вот и вербы, вот – справа – овраг, а вот и дорога – и последний воз, и воины...

– Ау-у-а-а-а!!! – выхватывая саблю, хрипло закричал Яндыз, кидая коня вперед, на враз ошестинившихся копьями стражей.

Ну, конечно, нападавших уже заметили – трудно было бы не заметить подобное воинство, и опытный в таких делах царевич ничего иного не ждал... Где-то впереди истошно затрубил рог, и тут же, словно в ответ ему, рявкнула небольшая пушчонка – гаковница – с полпуда весом, стрелявшая ядрышками размерами с грецкий орех. Со всех сторон со свистом полетели стрелы.

Дзынь!

Удар вражеской сабли пришелся по шлему Яндыза, но это был первый и последний пропущенный (специально пропущенный!) чингизидом удар – изогнувшись вперед, царевич ловко поразил противника в шею, и тот, обливаясь кровью, повалился с коня в дорожную грязь.

Яндыз тут же взялся за следующего, в глазах зарябило от мельканья клинков, копий, шестоперов и палиц. Ржали кони, хрипели раненые, многие бойцы что-то оралы, а кто-то бился молча, стиснув зубы – как сам царевич.

Удар! И выбитая из рук врага сабля, улетев было к небу, уныло шлепнулась в грязь. Бах! Снова рывкнула гаковница... или ручница – пушчонка совсем маленькая, с рук можно стрелять. За то так и названа.

Арьергардный заслон был опрокинут вмиг, видать, не слишком-то умелых воинов туда выставили. Сняв их почти с ходу, дружинники Яндыза бросились дальше, пока не обращая внимания на обоз, и вот тут многим пришлось спешиться – кони вязли в грязи. Бросил коня и царевич – пришлось, что поделать. Снова закипела схватка, а справа, из зарослей, наконец-то послышался дружный вопль – то добрался наконец со своей сотней Оженя.

Караванщики, похоже, не ожидали подобного натиска – кто-то из стражников еще сражался, большинство же купцов и приказчиков бросились на колени:

– Не убивайте! Мы простые купцы. Возьмите все.

Яндыз цинично прищурился – все и возьмем... не сейчас, чуть погодя, когда придет время. Сплюнув, отбросил следовавшему за ним по пятам дюжему парню – оруженосцу – небольшой круглый щит, богато украшенный сверкающими металлическими накладками, наклонился, схватил за ворот первого попавшегося приказчика – совсем юного, трясущегося от страха парня:

– Где ваш хозяин и те, кто с ним?

– Там, – бедолага показал рукой. – Они все там, у первых возов. С ними воины... много.

Яндыз покусал ус, прислушался:

– Уже немного.

Пора было пробираться вперед, к главной цели. Пора!

– Господин!

Царевич обернулся на оклик, сурово глянув на только что подбежавшего молодого воина в заляпанной пятнами грязи кольчуге:

– Чего тебе, Ваньша?

Кажется, так этого парня звали – Ваньша – из сотни лучников. Судя по вспыхнувшим от гордости и счастья глазам – еще бы, сам командир помнил его имя! – именно так.

– Мы в охране, впереди... Так вот – там, за лесом, чужие вои! Идут сюда, пока не торопятся.

– И много их? – быстро соображая, спросил Яндыз.

Ваньша тряхнул головой:

– Много. Уж по меньшей мере – тысяча!

– Тысяча? Однако.

– Все с копьями, с мечами, в доспехах, со щитами червлеными.

Царевич зло сплюнул:

– Литовцы!

– Оно так, господине.

– А лес-то рядом... Так! Живо трубить отход! Уходим наметом, вокруг того болотца – литовцы туда вряд ли сунутся.

Вот за это Яндыза в отряде уважали! Заносчивый в быту (еще бы, все-таки чингизид!), в боевой обстановке царевич преображался и всегда действовал цинично и хитро, частенько предпочитая лихой атаке засаду, а полному (но по воинской чести) разгрому – поспешное, но тщательно продуманное отступление. Вот и вчера он не зря присматривался к болотцу да посылал по местным деревням своих людей – узнавать гати да броды. Пригодилось!

Гавкнула напоследок ручница. Снова затрубил рог. Прихватив с собой убитых и раненых, четким порядком – один за другим – воины Яндыза убрались с дороги, без остатка растворяясь в диких – вокруг болота – лесах, в которых давно уже присмотрели все удобные тропы.

Были, были, конечно, погибшие, да и раненые имелись – как без этого? Но Яндыз своих людей не бросал – об этом тоже все знали, как и о том, что предательства никогда не прощал, всегда мстил – если уж не удавалось самому переветнику, так его близким.

Погони не было. То ли литовское (а чье же еще-то?) войско, высланное Витовтом для встречи ханских посланцев, еще не успело до них дойти, а скорее всего, литовские воеводы просто плохо знали здешние места и соваться в болота не решились. Да и к чему? Караванщики разгромили – да и черт с ними, главные-то люди – целы!

– И-и-и, шайтан! – не выдержав, выругался царевич.

Жаль, конечно, что не удалось поквитаться с давними недругами, однако ж – и пес пока что с ними. Главное-то выяснили, есть о чем доложить Василию-князю – Булат-хан с Едигеем-эмиром посланников к Витовту заслали! Зачем – даже согладатою Кузьме Ордынцу ясно – помощи просить в замятне. Против Джелал-ад-Дина, Керимбердея и прочих.

– А вдруг Едигей вновь на Москву пойдет? Что тогда скажете?

Князь московский Василий Дмитриевич, сутулый, не старый еще мужчина с темной бородой и неприветливым взглядом, прихрамывая (по осени всегда сильно суставы болели, особенно – в такую вот сырую непогоду), уселся в высокое резное кресло и, бросив посох проворно подбежавшему слуге, недовольно взглянул на толпившихся вокруг бояр и дьяков.

– Так, княже, на Москву-то Едигей и без Витовта может, было уж так недавно.

Князь скривился, услышав бодрый молодецкий голос молодого боярина Ивана Хряжского. Нет, ну всем пригож боярин – и роду знатного, и верен, и статен, силен – вот только глуп изрядно, и все свои глупости любит первым же изрекать – умом хвастается! Мол, все вы тут, князья-бояре, молчите, а я... Так кто тут самый умный? А кто говорит, кто голос подал.

– Не может он без Витовта, Ваня, – поморщившись от боли в ногах, терпеливо пояснил Василий не столько для тупого боярина, сколько для всех остальных, внимательно ловивших сейчас каждое княжье слово. – Раньше мог, а теперь – нет. Желальдин там у него, Керимбердей и прочие Тохтамышевы дети. Все власти хотят, ордынского трона ищут. Того и гляди – сам Едигей и поставленник его, Булат, на престоле не удержатся. Одначе ж... – Чуть помолчав, князь задумчиво сдвинул кустистые брови: – Одначе ж на Москву – ежели с Витовтом сговорятся – пойти могут. Победный поход силу власти в несколько раз увеличивает, о том еще древние знали. Ась?

Приставив руку к уху, Василий с прищуром посмотрел на бояр – мол, чего это тут я один говорю, а вы отмалчиваетесь? Что за совет такой? Нехорошо, непорядок.

– То верно ты молвишь, пресветлый княже, – отозвался за всех «дубинушка» Иван Хряжский. – Тогда и нам надобно войско собрать да накрепко границы сторожить.

– Да ведь собирается уже войско, – презрительно покосившись на молодого боярина, негромко произнес воевода – сорокалетний князь Можайский. – Ты ж, княже Василий Дмитриевич, сам указание давал. Теперя вижу – поступил мудро.

Василий спрятал усмешку – польстил, польстил воевода, ну да ладно, как государю без лести подданных его? Тогда он как и не государь вовсе, ежели не боятся, не трепещут, не льстят. Пусть. В меру только. А войско московский князь и в самом деле приказал потихонечку собирать, после того письма наглого, писанного самозванным заозерским князьком Егоркой... Мхх!!! Вот-то гад еще! Прошлолетось Москву, собачина, взял да разграбил – хитрова-а-ан, да и людишек воинских – ватажников клятых – у него полно. Хорошо, хоть сам князь упасся, Бог миловал, а вот супругу, Софьюшку, в монастырь Вознесенский подстригли, инокиня теперь. На Москве монастырь-то, рядом, одначе – близок локоть, да не укусишь, обратного – в мир

– ходу нет. Да и нужен ли, ход-то? Софья, конечно, супругой была неплохой, да уж больно горда, обидчива, властна! Сама хотела вместо князя править, помыкать мужем – потому-то Василий, честно сказать, не сильно-то по ней и печалился, тем более – жениться замыслил – а что? Раз уж теперь холостой! Смотрины назначить, невест... он ведь еще крепок, вот только суставы, ноги... Ну да с хворью лекари справятся, а жену молодую иметь – ух! – кому ж не любо? Только что вот тестюшка-то бывший – Витовт – обидится, уже обиделся, да покуда с немцами орденскими у него дела были. А теперь вот – еще и ордынцы послов шлют. И этот еще, заозерский выскочка, письмишко наглое прислал...

Василий закрыл глаза, припоминая. Предлагал князек Заозерский (хоть и князек, да силен, силен, собака!) на Орду походом ратным вместе пойти, мол, тогда и ему победа легче достанется, и князю московскому доля серебра, у басурман взятого, прежний достаток вернет.

Великий князь еще тогда подумал, если победят – будет в ханах... ну, не друг, а не враг хотя бы, а если разгромят – одной головной болью меньше. Всегда можно сказать, дескать, Егорка этот сам против моей воли в набег пошел. Хотел, собирався было уже часть войска Орду пограбить отправить, и отправил бы, коли не явился бы вчера с докладом татарский царевич Яндыз, посланный с отрядом своим границу литовскую караулить.

Нынче ж, на совет, великий князь московский Яндыза-царевича не позвал – пусть, мол, отдыхает с дороги. А и нечего ему на совете делать – хоть и хороший воин, и верен вроде бы, а все ж – горд несусветно, и – это уж точно! – себя куда выше Василия-князя считает. Чингизид потому что! Укоротить бы рога... да пока рано – кто знает, как там, в Орде, сложится? А теперь... теперь-то что? Отправлять войско – не отправлять? Никто не подскажет, про все самому думать нужно. Эх, была бы Софья, она б... Тьфу ты, вот ведь вспомнил, м-да-а-а...

Задумчиво забарабанив пальцами по резному подлокотнику кресла, князь снова посмотрел на бояр:

– Ну? Чего еще скажете?

– Молиться надо, княже! – вышел вперед духовник, отец Варсонофий, росточка небольшого, но с брюшком, с бородой рыжеватой, окладистой.

Светлые глаза священника смотрели весело, круглое лицо прямо-таки лучилось здоровьем и какой-то внутренней радостью, которой хотелось поделиться со всеми. Василию подобные люди не нравились, но Варсонофий умел хорошо сглаживать грусть да хандру (жениться на молодой – это его идея!), к тому же был довольно умен и умел ум свой почем зря не выпячивать.

– Молиться, а уж потом думать.

Это он правильно сказал – мысленно согласился князь. Молиться... отослать всех, подумав сначала самому, со всеми – будто бы невзначай – посоветоваться, а уж опосля... опосля видно будет.

Василий осторожно – не пронзила бы боль! – поднялся на ноги:

– Верно, молиться пойду. В домовую церкву. И вы – молитесь, а завтра... завтра встретимся.

Приглашенные с поклонами удалились, а князь снова опустился в кресло. Выпил принесенную слугой корчагу сбитня, ухмыльнулся, махнул рукою духовнику – садись, мол, рядом, на лавку.

– От посольства того всякое может быть, – дождавшись вопросительного взгляда, тихо промолвил святой отец. – О чем они там с тестюшкой твоим бывшим договорятся – не знаем. Может, и о Москве, а может – об ордынских делах только. Всяко может быть, однако ж Егория-князя приткого неплохо было б от границ наших убраться.

– О! – князь Василий обрадованно потер руки. – И я про то ж мыслю. Но... как войско-то дать? Вдруг Витовт... Ты-то что скажешь?

– Егория с войском его убирать надо – тут и спору нет, – с неожиданной твердостью заявил духовник. – Ладно, сидел бы в глуши своей, Заозерье, так он же и в наши земли подлез, и с Борисовичами, князьями нижегородскими – теми еще вражинами – задружился, и в Новгороде – донесли – палаты себе прикупил. Это плохо, что в Новгороде.

– Знамо, что плохо, – кивнув, зло бросил государь. – Ух, худые мужики-вечники. Я б вас... Места б мокрого не осталось.

Отец Варсонофий мягко улыбнулся:

– Силы надо копить, княже. Даст Бог, дойдет очередь и до Новгорода. А Егория – услать.

– Но! – Князь приподнялся в кресле, передав выпитую чашу слуге, тотчас же бесшумно исчезнувшему за покрытой дивным узорочьем дверью. – Егорка-то может на Орду и убоиться пойти без нашей-то подмоги! Недаром ведь просил. Хитер, хитер...

– Не так он хитер, как жена его, Ленка, – заметил святой отец. – Она, змея, его во всем настропаливает – и против Нифонта-князя покойного, коего, говорят, по ее приказанию и убили... и против тебя, княже! Как есть – змея.

Василий покивал и вдруг улыбнулся:

– Змея-то змея, однако ж и Нифонт тут виноват – это ж он ее в Орду продал, к трону заозерскому путь себе расчищал. Расчистил на свою голову... тьфу! А Егорка этот... Не побоялся обещенную девку в жены себя взять! Взял... и кто теперь хоть слово ему скажет? Когда за спиной силища воинская да струги, ушкуи, лады? Да хлыновцы-разбойники – они ж ему благоволят, верят...

– Вот и нужно, княже, такую занозу отсюда убрать... пусть даже на время.

– Понимаю, что нужно! – князь прихлопнул рукой. – Но – войско?

– Войска, мысля так – с Егорием не посылать... большого. Уж больно опасно!

– Так он же не пойдет!

– А если – с посольством? Мол, поглядим сначала, что там, да как, в Орде, а уж потом...

– Он может и с посольством не поехать, – нахмурился Василий. – Хитрый. Просто верного человека пошлет, как и я б на его месте сделал.

Отец Варсонофий пригладил бороду и, перекрестясь на висевшую в углу икону Георгия Победоносца, негромко предложил:

– А мы к нему сперва своего человека пошлем – со всеми нашими предложениями... и дружиной. Яндыза!

– Хоп! – Великий князь удивленно всплеснул руками, чуть помолчал и... громко рассмеялся: довольно, радостно, с облегчением, как человек, только что решивший важную и непростою проблему. – Да! Яндыз! А пусть-ка послужит. Это парень мертвого уговорит, тем более, Егорку-то и уговаривать долго не надо.

Покуда на Москве князь Василий Дмитриевич держал совет с отцом Варсонофием, куда как севернее, в Господине Великом Новгороде, некоторые времени тоже зря не теряли – дрались! Все как обычно зачиналось – пришли парни-артельщики с вымола в корчму, неприметненькую, на Заболотной улочке Плотницкого конца, уселись, закуски не дожидаясь, хлобыстнули с устатку корчагу перевара – зараз, крякнули, по сторонам поглазели. Один – здоровущий парняга с руками, что грабли, возьми да спроси:

– А кому б нам, робяты, морду седни набить? Может, немцам?

И кивнул на гостей со двора Готского – с бритыми лицами, в платьях приметных, в кафтанчиках бархатных, темных, в плащах, теплым мехом подбитых. Сидели гости чинно – потягивали себе пиво да о чем-то неспешно сговаривались – и чего им на своем дворе не сиделось? Скучно, наверное, стало – каждый-то день одни и те же рожи видеть, вот и пошли, прогулялись, да завернули в корчму – а там артельщики: лодочники, перевозчики, рыбаки.

Морды вот вознамерились бить. Немцам. Огloedина вроде б и спросил-то шутя, ан нет – другой отозвался на полном серьезе:

– Немцев вчераś угощали. Неможно ж каждый-то день.

– А кого другого-то? – осмотревшись, резонно возразил огloed. – Хозяину только рази начистить рыло? Эй! Корчма! Чего пиво теплое?

– Уймись, Лутонюшко, – сосед положил орясине руку на плечо. – То не пиво, сбитень слуга корчемный принес – я просил.

– Ну, сбитень так сбитень, – Лутоня покладисто согласился, отпил... и, скривившись, заорал еще громче: – Эй, корчма! Пошто сбитень холодный принес? Совсем нас не уважает, а, парни? И не идет, вот ведь, голова коровья, небось где-то спрятался. А мы поищем! Ишь ты, чего удумал – пивом те... холодным сбитнем честных людей угощать! Да ладно бы кого пришлых, так ведь своих, новгородских.

Тут совсем бы плохо пришлось и самому корчемщику, и слугам его, а возможно, и самим драчунам-артельщикам – вдруг бы корчемные успели своих, уличанских, на помощь позвать или, пуще того, стражу кликнуть? Никому б хорошо не было, да вот Бог нынче миловал – других гостей в корчму заслал. Скрипнула дверь, отворилась – и завалило с улицы с полдюжины молодых мужиков, по виду – не из слабых. Вот то и славно!

Лутоня плечами повел, потер руки:

– А ну-коś! Это кто еще у нас тут шастает? Откель? – Ухмыльнулся, подмигнул своим: – Пойду, познакомлюсь.

Артельщики переглянулись и дружно кивнули – а чего ж? Теперь уж есть кому бока намять – парни не хилые, за себя постоять могут...

– Ты, Лутоша, пасись – вдруг да у них ножи?

Детинушка отмахнулся:

– Чай, и у нас кистеньки найдутся.

Новоявленные гости между тем подозвали корчемного слугу, заказав для начала кувшин стоялого медку и пирогов с сигом... отчего подошедший Лутоня аж затрясся!

– Стоялые меды заказываем, тли? На нашем конце, ни с кем не делись?

– Отвянь! – не оборачиваясь, рыкнул один из чужих.

И обрадованный Лутоня поспешно зарядил ему в ухо! С размаху, красиво так... получилось бы, кабы чужак ловко этак не увернулся... да еще засадил в ответ огloedу в скулу, отчего детинушка – уж на что силен! – на ногах не устоял, да так и сел на пол и, хлопнув глазами, жалобно протянул:

– Наших быют, робяты-ы-ы-ы...

«Робяты» подскочили тут же, но и чужаки оказались не лыком шиты – живо повытаскивали ножи, а кто-то – и сабельку.

– Ух, тля! – вскочив на ноги, огорченно прорычал Лутоня. – Сабли у вас? Ножики? Ну-ну...

Не успели оглянуться, а огloed уже хватанул ручищами скамью, единым махом сбив сидевших на ней до того людишек – немецких купцов. Схватил, махнул, напрочь сбивая стоящую на столе посуду:

– Ужо я вас угощу!

Сверкнул клинок. Ударился в стену нож.

– Пусть скамью бросит! – резко предложил тот, что с саблей. – Тогда по-честному драться будем – на кулачках.

– На кулачках так на кулачках, – довольно загалдели артельщики. – Лутоша, бросай скамеечку.

И пошла потеха. Один другому – в ухо – ввух!!! Аж звенит! В ответ – по скуле, да по печени – ух и круто, да и больновато же. А в углу еще парочка образовалась – кулачищами

машут, как мельницы, один другого мутузит – любо-весело посмотреть! Зрителей – услышавши про драку – в корчемку много понабежало, вдоль стеночки вставши, пересмеивались, а купцы немецкие ставки делали – один на Лутоху два серебряных гроша поставил, а другой – целый гульден.

Соперник Лутохин тот гульдён углядел, ухмыльнулся:

– Ого, паря, как тебя ценят! Н-на, лови плюху!

И ударил – с ноги, в подбородок – получай! Лутоня так плечищами в стену и въехал, закачал головой, словно оглоушенный бык. Но тут же оправился да ка-ак двинул неосторожно приблизившемуся обидчику в ухо – тот так с ног и полетел, аж к двери, едва на улицу не выкатился, да какой-то только что вошедший господин удержал его на пороге. Молодой такой парень, высокий, приятный лицом, со светло-русой шевелюрой, еще и усики, и борода, на ганзейский манер стриженная... немец, что ль?

– Здорово, парни!

Не, не немец – ишь как выкрикнул, да так глазищами серо-стальными зыркнул, что даже драчуны обернулись, подумали, будто посадниковы люди пришли перцу задать. Не, не посадниковы... Однако ж чужаки вмиг вдоль стеночки выстроились, зарделись, ровно девицы красные...

– Мы тут это... пива зашли попить, господине.

– Попили? – Невозмутимо поставив скамейку к столу, незнакомец (а кому, судя по всему – и очень даже знакомец!) уселся и вытянул ноги, обутые в дорогушие, из тонкой телячьей кожи сапоги. – Ну, попили – и проваливайте. Чего встали? Проветритесь, а завтра с утра – ко мне на беседу.

– Но, господине...

– Пшли!

Чужаки – а как только что хлестко дрались! – словно побитые собаки, поджав хвосты, покинули питейное заведение.

– Ах ты ж, рыло! – пришел в себя Лутоха. – Ты што ж это деешь-то?

Подбежав к незнакомцу, детинушка махнул кулачищем... и едва не упал – вроде бы ничего сидевший на лавке молодой человек и не сделал, так, чуть шевельнулся, а увесистый Лутонин кулак просвистел мимо.

Оглоед ударил еще раз – и снова мимо, а потом... Потом незнакомец чуть привстал и – всего два удара, быстрых, точных, практически без замаха: один в печень, другой – в переносицу. И все! Сомлел боец Лутоша – растянулся на грязном полу, раскинул руки.

– Господине, – нервозно переглянулись артельщики. – Кабы не зашиб ты его, дурачину.

– Да не зашиб, поживет еще. На улицу его вытащите, пущай там посидит, воздухом чистым подышит.

Одежда – вот что смутило артельщиков. Одет-то был незнакомец как настоящий князь: полукафтанец лазоревый с поясом златым, поверх него – кафтан длинный, узорчатый, распашной... а еще браслеты да кольца, да на груди – золотая цепь, и шапка соболья, и... Князь, как есть – князь. Или богатый боярин – не местный, местных-то все знали, но...

– Ой, господине! – ушлый приземистый мужичок – корчемщик – опомнился первым. Подбежал, с поклоном чарочку меду стоялого на серебряном подносе принес. – Угощайся да зла на наших робят не держи! Спросить дозволишь ли?

– Спрашивай, – хлобыстнув чарку, милостиво махнул рукой гость.

– Не ты ли бывшее Амосовское подворье купил? Тех самых купчин, что в Холмогоры перебрались?

Незнакомец поставил чарку на поднос:

– Ну, я купил, а что?

– Господи... – корчемщик поспешно перекрестился. – Так ты, выходит, князь?

– Выходит – князь, – усмехнулся молодой человек. – Князь Георгий Заозерский, можно попросту – Егор.

– Ой, господине-е-е! – ушлый хозяин заведения засуетился. – Гость-то, гость-то какой! Эй, слуги, а ну, давай столы... Вот сюда, сюда пожалуй, уж ты, князюшка, моей едой не побрезгуй – от чистого сердца ведь. От чистого сердца.

– Не, есть не буду – сыт, – подергал бородку Егор. – А вот еще одну чарку, пожалуй, выпью, коли нальешь. Да пойду – с ватажниками своими разобраться, который раз уже драки устраивают – посадниковы люди мне все время жалуются. Эх!

Корчемщик с поклоном подал еще одну чарку, которую заозерский князь тут же и опрокинул – а чего время зазря терять?

– Ваше здоровье, люди да гости новгородские!

– И тебе, княже, всего.

Все посетители дружно поклонились в пояс, а заглянувший с улицы Лутоня, уже успевший благополучно прийти в себя, пал на колени:

– Уж извиняй, княже. Да и людишек своих не ругай особо – то не они драку затеяли, мы.

– Разберусь, – махнув на прощание рукой, князь Егор покинул корчму – на улице верные слуги уже держали наготове коня, ватажники же, потупясь, стояли поодаль, переминаясь в грязи.

– Ужо я вам! – погрозив им плетью, молодой человек стегнул коня и, в сопровождении вооруженной саблями и короткими копьями свиты, поскакал к Великому мосту через Волхов. Там, в Детинце, ждал его для важной беседы сам новгородский «владыко» – архиепископ Симеон, кстати, добрый знакомец супруги Егора заозерской княжны Елены, терпеливо дожидавшейся мужа в недавно приобретенных хоромаш.

Жена и встретила Егора уже поздним вечером – усталого и немножко пьяного, а потому – веселого. Встретила, как полагается – услышав во дворе топот копыт, выглянула в оконце, выскочила на крыльцо высокое, поклонилась мужу – по новгородским понятиям, как всякая добрая жонка:

– Ой, явился наконец, сокол мой ясный. Уж все глаза проглядела.

Князь улыбнулся, обнял супругу, поцеловал:

– Хоть кто-то здесь рад меня видеть.

Так, обнявшись, вдвоем, и поднялись по крыльцу, благо ступени были широкие. Купчины Амосовы, у которых Егор по совету своей многомудрой супружницы купил усадьбу, недаром считались богатыми из богатейших и мало в чем себе отказывали – вот и хоромины выстроили изрядные – в шесть срубов, с горницами, со светлицами, с сенями, с «белыми» – с ордынскими поливными изразцами – печами. Амосовы были хорошими хозяевами: окромя хором, на усадьбе еще имелись различного рода мастерские, кузница, особая изба для гостей, несколько изб для воинов, конюшня, две бани и еще много всяких амбаров и хозпостроек. Да! Еще и мощный тын, и ворота с башней, и мощенный дубовыми плашками двор.

Все это хозяйство княжна Елена с удовольствием обустраивала, однако ж и свое родное Заозерье не забывала – любила. Вот, с неделю назад целый обоз туда отправила и теперь переживала – добрались ли? Эко, когда отправляла – морозец стоял, снег сугробами, а ныне что – снова весна-красна?

– Ты у меня сама, как весна! – улыбнулся Егор, разлегшись на ложе.

Кафтаны он давно уже скинул, остался в одной рубаше, с удовольствиям отдаваясь добром домашнему жару – Елена сырости не любила и велела протопить печи.

– Велишь ли, госпожа, свечей зажечь побольше? – заглянув в дверь, почтительно осведомился мальчишка-слуга, невзначай купленный княгинюшкой на торжище за синеглазость и внешнюю похожесть на херувима, про которых ей как-то рассказывал все тот же отец Симеон.

Елена махнула рукой:

– Зажигай. И скажи там, чтоб стол в горнице накрывали... Пора уж.

Проводив взглядом слугу, княжна повернулась к мужу:

– Пока тебя не было – малец прибежал от князя московского посланника, Яндыза.

– Яндыз? – князь помотал головой. – Имя какое странное. Где-то я его уже слышал.

– Еще б не слышал! Тохтамышев сын, московским государем пригретый. Да пес с ним, завтра примем. – Хохотнув, Елена взяла ладонь мужа в свою, заглянула в глаза лукаво: – А помнишь, милый, ты обещал, что сегодня мы с тобой вдвоем трапезничаем... только ты и я...

– Ты и я... – тихо повторил Егор. – А ну-ка, погляди, что мне в глаз попало? Соринка, кажись...

– Где?

В домашнем приталенном платье темно-голубого бархата, с изящной золотой цепочкою на груди, Елена смотрелась сейчас истинной королевой: юная – чуть больше девятнадцати лет – длинноногая, стройная, с густыми золотистыми волосами, словно залитыми летним искрящимся солнцем... пухлые розовые губки, зубы жемчугом, густые ресницы, а из-под них – бездонные омуты васильковых глаз. И ямочки на щеках, когда улыбалась... впрочем, ямочки – не только на щеках, но и...

Вот, вот! Обняв жену, Егор погладил ее по талии, нащупал эти ямочки на поясице и, с силой притянув супругу к себе, жарко поцеловал в губы, запуская руку под платье...

– погоди, погоди, заполошный! – Елена чуть отстранилась, но глаза, очи синие, пылали нешуточным пожаром. – Ты бы хоть дверь закрыл... и свечи притушил... не все, часть...

– Понял!

Молодой человек проворно исполнил указанное, обернулся... Призывно улыбаясь, Елена уже ждала его на ложе, нагая, лишь на тонкой шее тускло блестела цепочка... и так же блестели глаза, а соски изящной и упругой груди стали твердыми от нахлынувшего желания...

Князь уже не выдерживал, зарычал, словно дикий зверь, срывая с себя одежду, бросился на супругу... осторожно припал ртом к пупку, принялся ласкать его языком, постепенно спускаясь все ниже... Елена затрепетала, задышала тяжело и часто, погладила мужа по волосам, шее... Тот приподнялся, обхватил ладонями ее груди, накрыл поцелуем пухлые губы, обнял, ожегся шелковистой кожей, погладил ямочки на поясице... Заскрипела кровать. Юная княгиня дернулась, застонала, закусила губу... И закатились глаза, и васильковый взгляд ее улетел в поднебесье...

– Ах, милая! Как славно, что ты у меня есть! Как славно-то, Господи!

– Я тебя тоже люблю, – устало прижавшись к мужу, призналась Елена. – Знаешь, а у нас скоро ребеночек будет.

– И это тоже славно. Даже очень! Милая ты моя, милая...

С московским посланцем Яндызом князь Егор встретился после обеда, уже разобравшись со всеми местными делами, в особенности касавшимися буйного поведения людей из его ватажки на новгородских улицах да в корчмах. Дрались, что и говорить, ватажнички, дрались – о том и посадник постоянно жаловался. Однако новгородцы тоже далеко не агнцы, вполне могли и сами кого хочешь обидеть... как вот вчера, в питейном заведении. Хорошо хоть признались, а то б молодой князь наказал своих, мало б не показалось – кого в стражи ночные, а кого и в поруб – охолонуть. Послали гонца за епископом новгородским Симеоном, а посадника с тысяцким в известность не ставили – вроде как обычный был визит, частный, без всяких там даров-представлений. Так вот вдвоем посланника московского и слушали – князь Егор и Симеон-архиепископ, мужичина себе на уме, умный и всячески молодого князя поддерживающий. Еще б не поддерживать, когда немало обещано – и церкви строить, и землю жаловать, и много чего еще – те хозяйственные дела Еленка-княжна накрепко знала, она ж первой

с Симеоном и спелась, памятуя о том, что вот-вот пригласят новгородцы к себе заозерского князя – град охранять да суд править за деньгу немалую. Сам Егор к Господину Великому Новгороду тоже прикипел уже – частенько наезживал да жил в бывших амосовских хоромаш. Однако ж и Заозерье не бросал – к чему? – своя-то ноша не тянет... в чем Еленка была с ним полностью согласна.

Хоть посланнику московскому княгинюшка на глаза и не показывалась, но притулилась в соседней горнице, за занавесочкой – внимательно все слушала, всматривалась.

Красивый парень был царевич Яндыз – статный, русоволосый, с очами карими, глянет – будто ожжет. Красив, красив, ничего не скажешь, одно плохо – татарин, мало того – Тохтамышев сын! А уж Еленка в свое время в ордынском плену натерпелась, если б не Егор, так неизвестно еще, где б оказалась... в монастыре, в лучшем случае... как Софья, Софья Витовтовна... ух, и змеища, не в обитель ее надо бы, а убить! Раздавить гадину, но... но отец ее, Витовт, мог вмешаться, хоть как Бог миловал, да тевтонцы мешали.

– И тогда мы, как будто с посольством, посмотрим, что там да как в Орде, – сидя за гостеприимно накрытым столом, продолжал вещать посланник. – Покуда же большое войско государю моему Василию-князю отправлять неуместно – о послах ордынских к Витовту я, князь Егор, тебе уже поведал. От союза того чего хочешь ожидать можно – вот мой государь и пасется.

– Что ж, его понять можно, – задумчиво покивал внимательно слушавший речь архиепископ, темнобородый, в черном монашеском клобуке и с золотой цепью с крестом поверх скромной рясы.

– Его-то можно, – невесело улыбнулся Егор. – Однако же дело-то затянется. А вдруг там в Орде успокоится все? Джелал-ад-Дин верх возьмет или этот... Керимбердей... или, может, Булат на троне удержится.

– Не удержится!

Ах, каким гневом сверкнули карие глаза царевича! Как сжались в кулаки белые руки, губы тонкие искривились нервно... по всему видно – не очень-то жаловал Яндыз своих родных братьев, мягко говоря – не очень.

– Никогда такого не будет! – поиграл желваками посланец.

Сказал – как отрезал, словно от него это все зависело, а не от Егора или там московского князя. Следовало царевича успокоить.

– Вот, отведай, господин Яндыз, шербету – как раз для тебя купили у персидских купцов, – поднявшись с кресла, радушно предложил молодой заозерский князь. – Вина не предлагаю...

– Почему ж нет? – покусав ус, чингизид неожиданно улыбнулся. – Я люблю вино... И женщин. И Хайама люблю – стихи, конечно – и еще, пожалуй, больше мне милее Кутб.

О Хайаме Егор слышал и раньше, а вот Кутб был ему незнаком, впрочем, этот московский ордынец приехал сюда вовсе не говорить о поэзии. Хм... вино пьет, что ж... Хорошо, вчера Еленка побеспокоилась, своего любимого купила, мальвазеицы.

– За нашу встречу, царевич Яндыз! – взяв кубок, церемонно поклонился князь.

Гость сверкнул глазами:

– Надеюсь, она станет полезной для нас обоих.

Выпил, не поперхнулся – а ведь мусульманин, наверное. Хотя у них там есть какая-то фетва – разрешение, мулла дает... ну и воинам в походе – можно, а Яндыз вроде как в вечном походе – так получается.

– Так ты, князь Егор, едешь? – выпив, взял быка за рога Яндыз. – Мы бы съездили, а твое войско – я слышал, оно не маленькое – могло бы обождать где-нибудь на Итиль-реке, скажем, у Джукетау, а в случае чего...

Князь поморщился – именно так они с Еленкой вчера ночью и рассудили. Мало того, кроме своей ватажки Егор решил еще и хлыновцев позвать, известных пиратов-ушкунни-

ков, на Орду страх наводящих. Имелись и там, у хлыновцев, завязки – сегодня же отправить гонца! А царевич – прохиндей ушлый, ишь, вызнал уже все, что ему надобно. Интересно, как? Конечно, соглядатаи имеются – как без них-то? Да ведь и сюда, в Новгород, поперся, не в Заозерье, хотя, казалось бы, именно туда и должен был первым делом ехать – а вот поди ж ты! Откуда узнал, куда надо? Хм... все оттуда же. Молодец!

Вообще же Яндыз произвел впечатление двойственное: упрям – это видно, решителен, умен... чересчур умен и себе на уме! И ведь прав, собака – момент для похода уж больно благоприятный: пока в Орде с властью не срослось – трон под Булат-ханом шатается преизрядно, и эмир Едигей прежний свой авторитет растерял. Иные властушки жаждут – Джелал-ад-Дин, Керимбердей – вот уж кто темная лошадка! И еще этот вот – Яндыз. Тоже ведь чингизид, сын Тохтамышев... Пригляд за ним нужен! А по Орде ударить хорошо бы в самое ближайшее время: расклад сил в любой момент измениться может – вдруг да Витовт эмиру воинскую помощь окажет? Хоть эмир и бивал когда-то литовцев, но ведь времена-то меняются! Или, наоборот, кто-то из сыновей Тохтамышевых власть-силу возьмет. Всяк может стать, а потому – поспешать надобно.

Поспешать... Егор шмыгнул носом – ага, поспешишь тут, при таких вот московских раскладах – посольство какое-то липовое... оно вообще нужно?

– Что, князь-то Василий Дмитриевич совсем никого не даст? – пригубив чарочку, вкравчиво поинтересовался отец Симеон, глядя на собеседника умными, нарочно наивными глазами.

Яндыз скривил губы в улыбке:

– Почему ж никого? Мой отряд – триста сабель. Все – отборные люди.

– Так ведь и у нас – отборные.

– Тем более – все пути-дорожки ордынские я хорошо знаю.

При этих словах царевич горделиво расправил плечи, а молодой заозерский князь едва не сорвался в смех – ну, надо же, знает он! Можно подумать, сам-то Егор никогда в Орде не был, из полона не бежал, в набеги не хаживал. Ха! Однако же – триста сабель... Спасибо и на том.

– Так как, князь? Согласен?

Архиепископ еле заметно кивнул, в соседней горнице негромко кашлянула Елена. Князь поджал губы – тоже еще, советчики, будто без вас неведомо, что и как делать.

– Вот тебе моя рука! – убрав с лица ухмылку, князь протянул руку.

Крепко пожав ее, Яндыз довольно улыбнулся:

– Ну, вот теперь можно и выпить. Не так, как мы с вами сейчас, а по-настоящему... по-ордынски!

«По-ордынски» гулеванили долго. Несмотря на молодость, чингизид оказался выпивохой опытным, а уж тосты из него лились – куда там тому же Хайаму! Особенно, когда за стол, ничтоже сумняшеся, уселась Елена.

– А что я там буду одна-то? – войдя в горницу, промолвила княжна. – Тем более вино хорошее и компания хоть куда. Да! Я велела – сейчас девки придут, песни петь будем.

Уж чего только не спели!

И про белу лебедушку. И про новгородского гостя Садко. И про Соловья-разбойника – Егора любимую. Яндыз тоже подпевал – песни знал, чего уж, даже затянул было свою, ордынскую, про белую верблюдицу, да потом пытался прочесть какую-то длинную и грустную любовную поэму, да не совладал с переводом – изрядно уже был пьян.

Отец Симеон ушел пораньше, а с царевичем еще и попели, и попили, до самых первых петухов гульба продолжалась, до обоюдных комплиментов дело дошло:

– Хороший ты человек, друже Яндыз! И не скажешь, что татарин.

– А?

– Говорю – еще по одной – и спать, ага?

– По чарочке?

– Ха! По чарочке? По кубку! Вот по этому вот, увесистому... между прочим, царьградской работы! Что, не веришь?

– Почему ж. Верю. Наливай!

– А про любовную пару-то? – изнемогала от любопытства Елена. – Ты ж так и не дочитал.

– Не дочитал – прочту, – царевич галантно приложил руку к сердцу. – Особенно для такой красавицы, как вы, любезнейшая княжна! Для вас одной буду читать хоть всю ночь.

«Ага, ага, прочти... – подумал Егор. – Рискни здоровьем!»

И, опрокинув кубок, погрозил жене пальцем:

– А не пора ль на покой, милая?

Царевича проводили со всеми подобающими почестями – хоть и неофициальный был визит, а все ж молодому заозерскому князю не хотелось ударить лицом в грязь. У ворот долго, с поклонами, с обниманием, прощались, хорошо, не дошло дело до пьяных лобзаний или, упаси Бог, мордобития. Обошлось!

Только когда гость со своей свитой уехал, князь с юной супругой отправились почивать, улеглись на ложе, усталые, хмельные... Егор едва глаза смежил, как вдруг...

– А этот Яндыз-царевич сам себе на уме – хитер и коварен, – шепотом дала оценку княжна. – Я таких в Орде навидалась: с виду хоть мед пей, а в душе... Пасись его, о, возлюбленный супруг мой, всегда настороже будь. Хотя... – Елена вдруг хохотнула, взъерошив мужнины волосы. – Вы с ним, с Яндызом, похожи чем-то – как две пары в сапоге... Тьфу! Что я такое говорю-то? Пьяна, пьяна... Два сапога – пара!

Глава 2

Боксера каждый обидеть может...

Темно-зеленый «Урал» с «фискарсом» и собранными на платформе бревнами – сортиментом, как положено говорить официально – катил прямо на Егора. А он, Егор Вожников, как есть – в пластинчатом тяжелом доспехе, в высоком шлеме-мисюрке, стоял прямо посередине грунтовки, почему-то не имея сил пошевелиться. Была не то чтобы ночь, но уже и не день – так, сумерки, летящий на всей скорости лесовоз яростно сверкал фарами, словно сказочный дракон глазами, вокруг дороги сгрудились сосны и ели, и до бампера сошедшей с ума машины оставалось всего чуть-чуть... а ноги словно вросли в землю, не отойти, с места не сдвинуться...

Егор закусил губу – и вместо сабли на левой руке его вдруг оказалась обычная боксерская перчатка... коей молодой человек и двинул прямо по тупой «уральей» морде! Лесовоз отлетел в кювет, а Егор приосанился, захохотал да принялся считать, словно рефери: «Нок... два, три... пять... Аут!»

Сосчитал. Выкрикнул... И вдруг, подхваченный с грунтовки какой-то непреодолимой силой, оказался в проруби, стал тонуть, чувствуя, как сдавило легкие, как не хватает воздуха, не вздохнуть уже, а вокруг – черная ледяная водица. И стучит в висках близкая смерть, и кажется – уже не выплыть... Не-е-ет!!!

Егор проснулся в холодном поту, погладил по спине спящую супругу. Та повернулась, приоткрыла глаз:

– Что, милый, опять худое привиделось?

– Спи, спи, – натянув на лицо улыбку, успокоил князь. – Мало ли что мне привидится, впервой, что ли?

– И все ж боюсь я за тебя, – прижимаясь к мужу, тихо произнесла княжна. – В даль далекую отпускаю, знаю – надо, умом понимаю, а сердцем – нет. Эх, мне б с тобой поехать – может, чего подсказала бы... как тогда, помнишь?

Егор ласково провел рукой по распущенным волосам своей молодой жены, мягким, словно бы напоенным солнцем и медом. Приласкал, улыбнулся, чувствуя, как потихоньку отпускает кошмар. Елена снова заснула, а князь вдруг залюбовался супругой – и повезло же взять такую красу в жены! В «Плейбое» бы увидали – завывали бы от зависти всей редакцией. Да уж, говорить нечего, Еленка редкостной красавицей уродилась, да ведь еще и не дурой, очень даже не дурой, о чем и сама прекрасно знала, полагая, что всеми своими успехами молодой заозерский князь обязан ей! А кто об Орде рассказал, обо всех тамошних склоках, кто советовал, кто...

Егор во всем с супругой соглашался – ну, как же, милая, без тебя ничего б не было – ни княжества, ни ватаги, ни богатства. Соглашался, прекрасно понимая, что далеко не Елена во всех этих делах главная, и даже не он сам, а его способности, без всякого преувеличения, магические, волшебные – умел князь предвидеть опасность, словно накатывало на него что-то, появлялись видения – оставалось лишь их истолковать. Способность эта появилась у молодого человека не просто так, а по его же желанию – научила одна колдунья, еще там, в той, далекой и теперь уже казавшейся нереальной жизни, когда Егор еще не стал заозерским князем, а был простым частным предпринимателем, занимался лесными разработками, имея несколько делянок, пару бригад и пилорам. Лес – дело непростое, опасное – и вот эта способность предвидеть, по мысли Егора – Егора Вожникова, – очень бы ему во всех делах пригодилась, он же сам эту колдунью, бабку, нашел, сайт ее в Интернете изучил, связался... ну и получил, что хотел. Способность волшебную – это да, но и... сам себя загнал в прошлое, оказавшись вдруг в тысяча четыреста девятом году – сразу после нашествия на Русь Едигея. Сам, сам виноват –

ведь предупреждала бабка, мол, не вздумай лезть после снадобья в прорубь (а это было условием) в грозу. Вожников тогда не обратил внимания на предупреждение – какая может быть зимой гроза? После баньки, распаренный, облился бабкиной водицей-снадобьем да ухнул в прорубь... и вынырнул – в пятнадцатом веке! Гроза ведь все-таки случилась, и гром громыхал – так-то! Поначалу Егор никак не мог понять – где он, ведь кругом и в начале двадцать первого века тянулись глухие необжитые места. А когда догадался, попытался просто выжить и выбраться тем же путем, что и попал – через снадобье, через прорубь – ничего не помогало. Зато выпал случай обратиться за помощью к местной волшбице... которая на прямой вопрос Вожникова, удастся ли ему вернуться обратно домой, дала столь же прямой и честный ответ: нет. Никогда.

Другой бы, может, и скис, ударился в панику – да только не Егор, сирота с раннего детства, привыкший всего добиваться сам, к тому же в юности – кандидат в мастера спорта по боксу. Вот это вот – бокс – пригодился потом – здесь, не хуже, чем способность предвидеть угрозы.

Ну, еще и супруга, Еленка, – не насмотреться, до чего красива, и жили душа в душу, это несмотря на то, что в той, прошлой жизни Вожникову с девушками не очень везло – все какие-то пустышки попадались, гламурки деревенские – глупые, без души, а в глазах одни «бабки». Не срасталось у Егора с такими, а вот с Еленкой – срослось, да так крепко, что все это – княжество, новгородскую усадьбу, друзей-ватажников – Вожников считал уже своим родным домом. А теперь вот еще и наследник появиться должен... или наследница.

Князь снова посмотрел на спящую красавицу-супругу, волна нежности к любимой женщине нахлынула на него так, что запершило в горле. Эти волосы, васильковые глаза, ямочки на щечках... и не только на щечках... Егор знал совершенно точно – ради этой женщины, ради их будущего ребенка он готов на все: не только Орду разорить – звезду достать с неба! Надо ж – судьба, встретились в татарском плену и... И теперь Егор – князь, а Елена – княгиня, и все кругом, даже чванный московский князь, вынуждены с ним считаться! А попробуй, не посчитайся-ка – Василий Дмитриевич вон попробовал – едва ноги унес, а жена его, Софья Витовтовна, в монастыре нынче.

В монастыре... А Еленка-то ее убить хотела, на полном серьезе – убить, да и убила бы, кабы Егор не воспрепятствовал. Не любил он, когда женщин... как скот...

Отправлялись «посольством», само собой, через Заозерье, через любимую Еленкину усадьбу, с кремлем неприступным, с садом, на ордынский манер устроенным. Любила княгиня юная свою малую родину, трон свой, владычество – правила железной рукой, но и без самовластия тупого, иному князю такому поучиться б не худо, потому Егор спокойно оставлял супругицу на княжении, знал – плохого не сделает, наоборот даже. Тем более, кругом люди имелись верные, всем заозерскому князю обязанные, ему же только и нужные, ватажники знатные – Никита Кривонос по кличке Купи Веник, Иван Карбасов, Окунев Линь, Федька... Иные, как Осип Собачий Хвост да Тимофей Гнилой Зуб, погибли уже, иные в родные места подались – кто на Ладогу, кто куда еще, а кто и в Хлынов на Вятке-реке, как говаривал иногда Вожников – «в местную Тортугу». Пиратствовали, ушкунничали, если по-новгородски – ордынские города на копье брали, да так, по мелочи. Вот этих-то людей к делу б и приспособить.

На второй же день после приезда Егор позвал в свою горницу Федьку – некогда челядинца беглого, а ныне ж человека солидного, землицей за верную службу пожалованного, землицей не пустой – с деревенькой, и пусть в деревеньке той всего один двор, что с того-то? Несмотря на молодость, Федька от даров таких не возгордился и преданность свою не раз уже делом доказывал... и хлыновцев многих знал, потому и выбор пал на него.

– Звали, господине? – войдя в горницу, юноша снял беличью шапку и глубоко поклонился.

– Звал, звал, – князь оторвался от принесенных управителем-тиуном берестяных грамот и гостеприимно махнул рукой на лавку. – Проходи, садись, Федя. Как деревенька твоя, мужички худые не балуют ли?

Федька улыбнулся:

– Да не балуют. Я ж сам из таких, нешто забыл, княже?

– Да на тебя глядя, не вспомнишь.

Еще раз взглянув на вошедшего, Егор покачал головой – вряд ли кто признал бы сейчас в этом высоком богато одетом парне бывшего домового раба. Все при всем: и красивый темно-синий кафтан, длинный, почти до голенищ, и пояс с кинжалом с ручкой золотой – кстати, княжий подарок, – и волосы длинные темно-русые причесаны – волосок к волоску, кожа, правда, смуглая, зато глаза светлые – жемчугами... всем пригож отрок!

– Слышь, Федя, а ты невесту-то себе не присмотрел часом?

Юноша смутился, повел глазами по сторонам, и князь не стал настаивать на ответе, да и спрашивал-то просто так, для беседы.

– Вот что, Федор, – Вожников понизил голос почти до шепота, хоть и знал – некому тут его разговоры подслушивать... окромя верной супруги, но то другое дело. – Поедешь в Хлынов, к атаманам. Письмишко тебе дам, да на словах кое-что обскажешь – о том нынче поговорим. Пусть войско дадут, по весне, как лед сойдет, отправят к Итиль-реке, к Волге, там и моя ватага будет – у Борисычей, в Нижнем, оставляю, пусть ждут до весны.

– Почему до весны? – удивился Федя. – Разве ж, господине, нельзя на поганую Орду по зиме ударить?

–хлопотно по зиме, неспешно, по реке-то и нам, и хлыновцам куда как сподручнее будет. – Егор наставительно поднял вверх указательный палец: – Да и лады нам за зиму построить надо, и немало – не тащить же из Новгорода? Серебришко, слава Господу, есть – выстроим. Пусть и задержка, да без ладей-то как?

Юноша задумчиво покивал:

– Ага, ага, понимаю... Значит, наши-то ватажники у нижегородских князей зимовать будут?

– У них. Только ты хлыновским атаманам покуда про то не говори – рано.

– А коли спросят?

– А коли спросят, скажи, мол, к весне ближе решит князь, где ватагам встретиться. Главное сейчас – согласием их заручиться. Про долю их я в письме отписал, а ты в том не уполномочен.

– Что, княже?

– Слова своего не имеешь.

Отдав последние наставления Федору, Вожников хотел было спуститься вниз, во двор, да, проверив хозяйским глазом недавно выстроенную угловую башню, нанести визит в гостевые хоромы, предоставленные нынче царевичу Яндызу со свитой. Князь уже накинул на плечи теплый, подбитый волчьим мехом плащ – на улице-то за последнюю неделю похолодало изрядно, как и должно быть в декабре – однако спуститься с крыльца не успел, нагнала черноглазая хохотушка Палашка – сенная девка Еленки. Поклонилась в пояс:

– Дозволь, князюшко, слово молвить.

Егор пожал плечами:

– Ну, молви.

– Княгинюшка к себе кличет, видеть хочет.

– Встала, значит?

Молодой человек улыбнулся – утром поднялся осторожно, беременную супругу будить не стал, вот и проспала голубушка аж до обеда почти.

Отпустив Палашку, Егор бросил на лавку плащ и быстро прошел в опочивальню. К его удивлению, Елена уже была одета – синее длинное платье тонкого шерстяного сукна, поверх накинута легкий распашной кафтан ордынского кроя с разрезными, завязанными сзади рукавами – летник, желтый, с красной опушкой и маленькими золотыми пуговицами. Платье очень Еленке шло, особенно – к васильковым глазам, ну а летник – тот к волосам золотистым, коих юная княгинюшка вовсе не стеснялась и вопреки всем традициям под убрус не прятала, разве что стягивала узким серебряным обручем. Знала – мужу волосы ее очень даже по душе... и не только мужу. А раз есть такая красота, так чего ж ее прятать-то? Местные священники да монахи, может, то и осуждали, да помалкивали – попробовали бы вякнуть, крутой нрав княгини все хорошо знали, да за глаза говаривали – внешность, мол, ангельская, а внутри-то – бес! Вот и опасались связываться.

На столе, в серебряном поставце, ярко горела свечка – если б Егор не знал свою супругу так хорошо, то подумал бы – забыла. Ан нет, не так! Ничего не забывала Еленка и ничего зря не делала.

– Поднялась уже, милая?

Подойдя, князь поцеловал супругу в уста, обнял. Елена улыбнулась, прищурилась довольно от ласки да кивнула на дальнюю стену, украшенную большим персидским ковром – для тепла, как считали слуги, но на самом деле – не только для этого. Ковер скрывал за собой дверцу, сквозь которую можно было пройти потайным ходом и в гостевые хоромы, и в дальний амбар, и даже выбраться за пределы детинца. Предосторожность по нынешним временам вовсе не лишняя.

– Идем, – княгиня откинула край ковра. – Покажу тебе кой-кого.

– Кого? – прихватив со стола горящую свечку (не зря горела-то!), Егор тщательно прикрыл за собой дверь.

В ответ раздался ангельский голосок:

– Там увидишь, милый. Недалеко уже.

Они спустились на первый этаж, но под землю не пошли, повернув налево, к блестящей железными петлями дверце. Петли были хорошо смазаны – о потайном ходе княгинюшка заботилась самолично, не доверяя в этом никому. Ни скрипа, ни хлопка – просто потянуло вдруг сквозняком, и желтое пламя свечи дернулось, задрожало, едва не погаснув. Да и не нужна уже стала свечечка – пройдя в дверь, супруги оказались в небольшом притворе за печкой, откуда прошли в одну из людских – небольшую, со слюдяными оконцами. Тусклый дневной свет падал на сидевшего на лавке человека в темном кафтане и заячьем треухе. Завидев вошедших, незнакомец вскочил и, сняв шапку, молча поклонился в пояс.

– И кто это? – князь нетерпеливо скосил глаза на супругу.

Та улыбнулась, поправила на голове обруч:

– А ты присмотришь!

Пожав плечами, Егор всмотрелся... и ахнул! Перед ним стоял – он сам! Даже сейчас, здесь, в тускло освещенной людской, это было хорошо видно. То же лицо, те же глаза, брови, даже улыбка. И густые светло-русые волосы... пожалуй, даже слишком светлые.

– Не переживай, милый, волосы мы подкрасим, – словно подслушала мысли Елена. – Ну, как он тебе?

– Что и говорить – похож, похож, – Вожников во все глаза рассматривал незнакомого парня. – Двойник, понимаю. И даже не спрашиваю – зачем.

– Я знаю – ты умный. Не спросишь.

– Не спрошу. А вот поблагодарить – поблагодарю! – Вовсе не стесняясь присутствия постороннего, князь снова поцеловал жену в губы. – И где ж ты его надыбала-то?

– Что-что?

– Где сыскала? Только не говори, что места надо знать рыбные.

Княгинюшка прыснула в кулак:

– А я и не говорю! Это ты такое присловье любишь, а я – нет. Сего молодца Палашка как-то на торгу присмотрела, мне донесла – мол, так на князя похож. Вот я и подумала: может, сгодится?

– Умная ты у меня.

– Я, Егорша, запасливая. Людьми-то зря раскидываться – зачем? Нынче не нужен, а потом – вдруг?

Егор ласково погладил жену по плечу: двойник – это было здорово, особенно в свете предстоящего предприятия. И хорошо, что Еленка устроила все в тайне – уж это она умела, интриганка та еще! Теперь об одном голова болела – как бы этого двойника от лишних глаз до поры до времени упasti?

– Горшения, шапку надень, – вдруг приказала княгиня.

Парень послушно натянул на голову треух.

– Ну? – Еленка победно взглянула на князя. – Кто в нем тебя узнает?

– Так – нет, – всмотревшись, согласился Вожников. – Но ежели шапку снимет...

– А он еще бороду отрастит, окладистую, как у твоих ватажников многих. И – космы. Потом, как нужда придет – бороду ему подбреешь, космы острижешь.

Егор почесал бородку, усмехнулся – ну, что тут скажешь?

– А ты, паря, ведаешь ли, на сколь опасное дело идешь?

– Ведаю, – спокойно ответил двойник. – За то и плату прошу.

– Я ему немало уже заплатила, – заметила Елена. – За то, что просто сюда пришел. И домочадцев его на полный кошт возьму, с долгами расплатятся.

– А ты, Горшения, вообще кто? – Вожников задумчиво покусал губу. – Может, беглый?

Парень покачал головой:

– Нет, не из беглых, княже, вот те крест! – Он размашисто перекрестился на висевшую в красном углу икону Николая Чудотворца. – С родичами на рязанской земле крестьянствовали – потом Едигей со своими татарами. Один и уцелел из мужиков-то. А сестры остались – замуж надобно выдавать бы... А я так, с артелью плотницкой странствовал, башню, князь, тебе строили, да староста наш, Козьма, обманул при расчете, так что мне теперь – хоть куда. А опасностей я не боюсь – навидался.

– Понятно, – кивнул Егор. – Ну, что ж – пусть будет.

Как и планировал молодой заозерский князь, большую часть своих ратников он оставил у нижегородских князей, Ивана и Данилы Борисовичей, с коими сдружился еще в ту пору, когда только оказался здесь, сразу после нашествия Едигея. Князья приняли давнего своего знакомого ласково, сразу устроили пир и обещали поспособствовать с ладьями.

– Только, Егор-друг, извини, войска мы тебе на Орду не дадим – с ханами живем дружно, – предупредил старший из братьев, Иван по прозвищу Тугой Лук.

Вожников покивал – иного ответа он и не ждал и на воинскую помощь нижегородских князей, совсем недавно получивших ярлык и по сути вырвавших свое княжество из алчных лап московского государя Василия, не рассчитывал изначально. Не с руки сейчас было Борисовичам с татарами ссориться, не с руки.

– Ну, спасибо и за ладейки – коли поможете, буду рад.

Егор пировал с князьями один, без Яндыза – столь одиозной личности не стоило слишком «светиться» в Нижнем, неизбежно вызывая волну самых разнообразных слухов. Пока же слух был один – мол, едет через Нижний Новгород в Орду посольство московского князя и задружившегося с ним владельца Заозерья. Подарки везут, дань, да хотят ссоры свои урегулировать, разобраться – кому на какие земельки ярлык. Что ж, дело ясное. От московского государя, кстати, не Яндыз официально в посольство ехал, а князь Иван Хряжский, та еще орысина

– ему бы мечом помахать, в крайнем случае – кулачищами, а вот голову напрягать – совсем не обязательно. Однако ж, при всей своей тупости, князь Хряжский был послушен и Василию Дмитриевичу верен, как никто другой. А потому четко усвоил, что на самом-то деле главный в посольстве – царевич Яндыз и его нужно во всем слушать. Такое положение самого чингизида вполне устраивало, да иного просто и быть не могло, ну, не посылать же с визитом к хану Булату его злейшего родственника-врага? То, что в Орде его могут узнать, царевич опасался не слишком – отрастил бороду, волосы «под горшок» постриг – издали не только мать родная, а даже и верная убиенная нянька не признала бы, ну, а вблизи, по повадкам, по разговору – другое дело. Да только близко общаться Яндыз в Орде ни с кем не собирался... разве что с некоторыми особенно нужными людьми, о которых князю московскому знать не надобно. Потому и триста сабель своих – людей надежнейших, верных, самолично царевичем набранных – по здравом размышлении пришлось оставить – на каждый роток не накинешь платок. Опальный царевич прихватил с собой лишь только самых преданных и верных, про которых точно знал, что не проболтаются, об остальных же, честно говоря, – жалел. Триста сабель – это триста сабель, никогда лишними б не были. Но сложилось уж, как сложилось, по всему – рисковать было никак нельзя, ведь Яндыз ехал в Орду тайными глазами Василия... и сам себе на уме.

Заозерских ватажников, умелых и отважных бойцов числом около десяти тысяч, Егор, естественно, всех за собой не тащил. Взял с собой лишь небольшой отряд для охраны да часть людей оставил в Нижнем – присматривать за строительством ладеек и так, чтоб, в случае чего, хоть эти-то были бы, можно сказать, под рукой, пусть даже относительно. Основная часть войска должна была по весне, как сойдет лед, идти на Волгу и встретиться там с хлыновцами, после чего... На потом пока у Егора четкого плана не было – все зависело от того, как сложится ситуация в Орде, от результата разведывательной миссии «посольства».

Своих людей в Нижнем – не такой и малый отрядец, где-то с полтысячи человек – Вожников разместил на обширном подворье богатого новгородского купца Михайлы Острожца, тоже, как и Борисычи, давнего своего знакомого и – иногда – компаньона. Сам купец находился в это время в Новгороде, однако ж послал с Егором своего человека – приказчика, что занимался делами в Нижнем.

Устроив ватажников, Вожников погостил у нижегородских князей еще три дня – ждал, покуда уймется злой, налетевший из южных безлесных степей ветер, – после чего «посольство» без особого шума отправилось по санному пути вниз по Волге. Егор с Яндызом рассчитывали добраться до «Новой столицы» – Сарай-ал-Джедида – где-то в начале января. Таким образом, «чистого времени» на все важные дела осталось бы где-то до мая, максимум – до августа, если учитывать, что, в случае чего, нужно будет посылать гонцов к ватажникам, да и тем ведь тоже еще до Орды добраться надо.

Оптимальный вариант – примерно пять месяцев, почти полгода – срок для выполнения миссии не малый, но и не великий, поспешать во всем надобно!

После недавней бури несколько дней кряду в небе ласково сияло солнышко. Продвигаясь вперед, «посольские» обогнали пару неспешно ползущих купеческих обозов – торговцы ехали недалече, в Булгар-ал-Джедид – Новый Булгар, местными жителями называемый Казан, Казань сиречь.

Имея удобное для торговли месторасположение, сей город, несмотря на многократные разорения ушкуйниками, все время отстраивался вновь, как утверждали жители – «пуще и краше прежнего», и ныне являлся центром ордынской административной области – султаната.

Местный правитель – седобородый старец в огромной белой чалме – принял «московское посольство» радушно, оказывая его номинальному главе, орясине-князю Хряжскому, всевозможнейшее почтение. По нынешним беспокойным временам все татарские мирзы вели себя незаносчиво, ибо неясно было, как лягут кости в дальнейшей жизни Орды, кто станет прави-

телем, кто кого победит? В таких условиях любой друг – посланец Аллаха, пусть даже не друг, а просто – не враг – и то дело.

На обросшего за время пути Горшеню никто не обращал внимания – да и кому какое дело до простого обозника? Разве что начальнику обоза, захудалому боярину Олексе Копытову, коего все так и звали – Копыто. Лет хорошо за сорок, с черной редковатой бородкой, кривобокий, но живенький, боярин казался одним из тех незаменимых людей, про которых все знают, что вор, но без него все дело встанет. Это ведь только так кажется, что с обозом легко управляться, а при нужде поди-ка попробуй! Поди, высчитай, сколько надобно взять с собой запасных полозьев, сколько рогожек, досок, припасов, фуража для коней и прочей тяглой силы. Да еще догадайся – какие сани вперед поставить, а какие, наоборот, никогда на новоснежье не выпускать. Как организовать на ходу ремонт, чтоб обоз зря не беспокоить, как с проводниками да толмачами рассчитываться, как то да се – обоз-то немаленький, дел сыщется много, а Олекса Копытов все те дела накрепко ведал, будто и не боярин вовсе, а какой-нибудь там торговый гость-купец. Сам великий князь московский Василий Копытова хорошо знал, и знал, что ворует, но на все важные дела ставил: боярин Копытов не дурак, лишнего не возьмет, а то, что украдет, при невежде-обознике и так потеряно будет, а может, даже и того больше.

К Горшене, кстати, Копытов благоволил – неплохой из «двойника» оказался плотник, а хороший плотник в обозе никогда лишним не будет. Ну да – бородачи ключьями да нестрижен – космы, и нелюдим, молчалив преизрядно – так то и хорошо, что не болтун, языком, что помелом, почем зря не чешет.

Копыто к Горшене – со всем уважением, а вот приказчик обозный, Тимоха Карась – отнюдь нет! Тот все к новому плотнику с претензиями – то не так сделал, это... Неприязнь объяснялась просто – как-то, в Нижнем еще, подкатил Тимоха к Горшене с неким предложением начет санных полозьев – мол, можно ведь их и не из ольхи да березы заготовить, и не из сосны даже, а, скажем, из осины. Осину быстренько нарубим, а ольху да березу... продать – выгодное дело!

От такого «выгодного дела» Горшеня сразу отказался – не ровен час, Копытов прознает, хоть Карась и божился, что нет. А всяко бывает, путь-то долгий – вдруг да что?

– Так ты, ексель-моксель, дурачком-то прикинься! – уже в открытую советовал ушлый приказчик. – Новичок-неумеха – какой с тебя спрос? Да ведь, паря, не за так все. Не за так!

«Не за так» – это, по-тимохиному, выходило в десяток ордынских серебряных монеток – дирхемов, по здравом размышлении – не фиг-то и шиш! Овчинка выделки явно не стоила, Горшеня на нее б и раньше-то не повелся, а уж тем более сейчас, когда сам заозерский князь в тайных покровителях ходит.

Карась, конечно, обиделся, затряс бороденкой своей рыжеватой, глазками пороссячьими под белесыми ресницами захлопал, протянул:

– Ну, смотри-и-и-и, ексель-моксель, как бы тебе теперь все боком не вышло.

– Не выйдет! – сказал, как отрезал, плотник.

Да еще с таким видом сказал, что выжига-приказчик, что-то такое нутром почуяв, не стал «наезжать» на Горшеню в открытую, а так, устраивал лишь мелкие пакости, на большие не решаясь. В том, что от него зависело, Карась понемножку подличал – на самые худые работы плотника нового ставил: кого после дневного перехода сани осматривать заставить? Горшеню, конечно же. Кому поломки на ночь глядя править? Ему же, и часто – не в очередь. Горшеня, конечно, мог бы и возмутиться придирами, но князь настрого наказал, «без нужды не высываться», вот плотник и терпел. Да ведь и можно было терпеть-то – серебра преизрядно за все было обещано, мало того – частью и выплачено уже. Теперь чего ж? Назвался груздем – полезай в кузов.

Вот и в Казани-граде поручил Карась новому обознику очередной ремонт, мелкий, но нудный – там досочку заменить, сям дышло подправить – это покуда все остальные отды-

хали-веселились. Расположились обозники на окраинах, в двух караван-сараях – в один не поместились, больно уж людей-коней много, и так-то было тесно, да никто не жаловался – тесно, да тепло, да сытно, пьяно. Князья – и московский, и заозерский – на «посольство» серебришка не пожалели, и корм был, что надо, и питье, особенно здесь вот, в Казани. Воины да обозные, что постарше рангом, в гостевом доме караван-сарая спать полегли, вес ж остальные – во дворе разбили шатры, костры запалили. Горшения тоже, конечно же, в дом не попал – так, у костерка, плотничал, стучал топорком-стамесочкой, подправлял кое-что.

И, работу вечернюю сладив, в костер дровишек кинул – пусть жарит – да уж и спать в шатер идти собрался, как вдруг...

Показалось, мелькнула по двору чья-то быстрая крадущаяся тень. И главное – что подозрительно-то: если ты здешний – так зачем тебе красться? А если обозный – тем более. У ворот стража выставлена, мало ль, с улицы кто зайдет с намерениями нехорошими – чегой-то украсть, так этот – кто крался – как раз к воротам бросился... Не знает, что там стража? Ну, так словят сейчас, шум поднимут.

Горшения прислушался: однако же – никакого шума. Наоборот, вроде как посмеялся кто-то... этак задрезжал по-козлиному:

– Дак я и говорю – весело, ексель-моксель!

Тимоха Карась?! Ексель-моксель – его присловье, больше никто так в обозе не говорил. К воротам пошел – просто так, с караульщиками позубоскалить? А почему ж тогда таился – от кого? Явно ведь таился, оглядывался, да вот Горшению и не заметил – костерок-то притух. Значит, от своих прятался – от Копытова? Что-то такое затеял ушлый приказчик, небось собрался имущество обозное на сторону продать – сейчас вот в ворота шмыгнет, и... Или захотел очередную пакость строптивому плотнику учудить? Может, и так – тогда во все глаза следить-смотреть надобно!

Таясь за шатрами, Горшения подкрался к воротам, насколько мог, близко, всмотрелся, прислушался – Тимоха о чем-то лениво болтал со стражниками, их беседа иногда прерывалась смехом, не особо сильным, так, похоже, больше из вежливости. Не спешил никуда приказчик, трепал языком да иногда на ворота – зырк-зырк – посматривал, видать, поджидал кого-то. Или времечко выжидал – чтоб какую-нибудь пакость сделать – дышла ножичком поковырять или еще чего нехорошего по плотницкому делу сотворить.

Подумав так, плотник тоже решил подождать, благо спешить-то было некуда, завтра еще в поход выступить не собирались, Кобытов сказал, что дня два, а то и три «посольство» в Казани прогуляется – точно.

И снова от ворот послышался смех, а потом чей-то голос что-то прокричал по-татарски... Ага! Вот еще на постоялый двор какие-то гости пришли – на ночь-то глядя. Подозрительно! Хотя с другой стороны – чего подозрительного-то? Когда еще в караван-сарай завернуть, как не ночью?

Вошедшие, впрочем, не очень-то походили на купцов, скорей, на местных мелких бояр или детей боярских – в свете горевшего у ворот костерка хорошо были видны богатые стеганные халаты и привешенные к поясам кинжалы в дорогах золоченых ножнах. Держались гости – а было-то их всего трое – весьма дружелюбно и вообще поведением своим напоминали припозднившихся гуляк – хохотали, пошатывались, то и дело хлопали друг друга по плечам и переходили на русский – видать, специально для обозников:

– Э, Эрчин-бек, ты ж говорил – в майхоне Ильчигана Иранца до утра гулеванить будем, а вот поди ж!

– Да кто ж знал, что у иранца нынче поминки? – оправдывался Эрчин-бек – жилистый красномордый татарин с вислыми усиками и длинной узкой бородой. – Да их, огнепоклонников, не поймешь!

– Хорошо хоть про этот караван-сарай вспомнили, – примиряюще произнес третий татарин – толстяк в изысканного вида тюбране, украшенном серебряными цепочками.

Первый – широкоплечий, с квадратным подбородком и хриплым голосом – упрямо набычился:

– Вот уж не знаю, сыщется ли у Каима-баши вино?

Каим-баши – так, как помнил Горшеня, звали хозяина постоянного двора, что же касемо майхоны – то так в ордынских (и не только в ордынских, а и вообще в магометанских) городах именовались питейные заведения, дабы не оскорблять своим присутствием правоверных, обычно расположенные на окраине, в каких-нибудь трущобах-мархобат. И держали эти заведения, конечно же, не поклонники Магомета, а чаще всего огнепоклонники, католики да и православные даже.

– У достопочтенного Каима-баши всяко вино сыщется, – как-то слишком поспешно успокоил гуляк Тимоха Карась. – Идемте, я вас к нему провожу. Не, не, он не спит еще, а мне вот как раз выпить не с кем, ексель-моксель.

Скрывающийся в тени шатра плотник удивленно покачал головой – вот интересно, какое дело приказчику до заблудших ночных пьяниц, с чего б это он им помогает – к хозяину караван-сарая ведет и вообще, не слишком ли он с этими чужаками любезен? Может, от того Карасю какая-нибудь корысть имеется?

А и имеется – так что? Какое дело Горшене до чужой корысти? Главное, чтоб самому пакость не сделали, а корысть... что ж. Спать давно пора уже, нечего тут стоять, подглядывать за ушлым приказчиком!

И все же любопытство пересилило. Тем более что ночные гости в дом не пошли, а завернули... в Тимохину кибитку, стоявшую отдельно от остальных обозников, у дальних амбаров. Интересненько!

Дождавшись, когда все четверо скроются под пологом, Горшеня ужом прошмыгнул к саням и затаился. Из кибитки донеслись глуховатые голоса, достаточно громкие, чтоб хорошо разобрать каждое слово – так бывает, когда находишься в палатке или шатре; люди обычно забывают, что стены-то – тряпичные и каждое словечко снаружи слышать.

– Да, да, уважаемый бек, мы по Итиль-реке и дальше пойдем... Да, триста конных воинов... и еще примерно столько же... ну, чуть больше.

– Считай около тысячи – минг, – подвел итог хрипловый голос. – А у нас – три, плюс пятьсот сабель Ильчана-хаджи.

– Эх, жаль, лед! Была б чистая вода, корабли бы вышли... Эх.

– Не переживай, уважаемый Эрчин-бек, что ты! И так всех возьмем – на льду, меж утесами. Пушками крайние повозки разобьем – потом стрелы... а уж затем – все наше будет!

– Вы меня только не прибейте в горячке, ексель-моксель! А то знаю я, как бывает.

– Не прибьем, Тимоха-бек, не думай, – успокоил хрипловый. – Ты нам еще пригодишься, дела-то у нас с тобой – взаимовыгодные. Иль мы тебе в прошлый раз мало заплатили?

– Да нет, заплатили изрядно. И все ж, ексель-моксель, боязно как-то. Вдруг шальная стрела... или сабля?

– А ты ленту синюю к рукаву привяжи... и людям своим – тоже.

Предательство! Тут явно затевалось предательство, и самый главный предатель – приказчик Тимоха Карась! Как же таких в посольство-то взяли? Их не проверяли, что ли? Так московские – чего им своих проверять, набрали, кого попало. Нет, ну Тимоха, ну и змей. Доложить! Доложить обо всем надобно. Три тысячи сабель... три тысячи с половиной. Еще и пушки, и лучники... Ой, несдобровать посольству, несдобровать.

– Три тысячи? – не поверив, переспросил Егор.

– И еще пять сотен, – сказал Горшеня, искоса поглядывая на высокого, стриженного «под горшок» парня, которого молодой заозерский князь представил как свою «правую руку».

– Меж утесами вполне могут напасть, – задумчиво покусав длинный ус, кивнул стриженный. – Дальше по Итиль-реке есть удобные местечки.

Вожников закрыл глаза, представляя, словно бы наяву, как все будет: вот едет себе спокойно обоз, растянулись по льду сани, потихонечку подтягивающиеся на теснину, промеж утесами – тут вдруг резко: бабах! Пушка. Один выстрел, другой – и все, в засаде обоз, первые сани в куски, последние, громяхают яростно вражеские пушки, а сверху, с утесов, тучей летят разящие стрелы.

Так может быть, именно так... А может и не быть, ведь никакого предвидения нынче на Егора не накатывало – значит, можно противостоять западне, можно!

– Ты иди, Горшеня, – кивком поблагодарив парня за службу, Егор подозвал слугу – выпроводить двойника через задний двор, чтоб никто не видел.

Яндыз сверкнул карими очами:

– Веришь ему? Думаешь, не врет?

– А зачем ему врать? – пожал плечами князь. – Какой смысл-то? Да и странно было бы, чтоб никто на богатое «посольство» напасть не попытался!

– Ш-шайтан!!! – не выдержав, выругался царевич. – Попробовал бы кто при отце моем напасть! Эх, худые времена на дворе, князь Егор, худые!

Вожников кашлянул: кто б печалился! Для Орды – да, времена нехорошие, но так татарам и надо – самое время ударить, чего уж тут говорить.

– Обозника того, может, пытать? – Яндыз покосился на завешенную ворсистым ковром стену и понизил голос до шепота: – Как его? Карася Тимоху.

– Можно и пытать, – поерзав на широкой лавке, Егор потянулся к стоявшему на низеньком столике недопитому кубку – вино у хозяина караван-сарая Каима оказалось превосходным. Интересно, сам он его пьет или так, для важных гостей только держит?

– Можно и пытать, – выпив, повторил князь. – Ну, вызнаем что-то... И что? Думаешь, не нападут?

– Нападут! – уверенно бросил царевич. – Всенепременно.

– Вот и я о том.

Поднявшись с лавки, Вожников прошелся по узенькой гостевой комнате, располагавшейся в дальнем крыле дома и вообще-то предназначавшейся для слуг... но сейчас используемой князем для приватной беседы: в покоях для важных гостей вполне могли быть «уши».

– Ты, друже Яндыз, здешние места хорошо знаешь... Вот скажи – где удобней напасть? А мы помозгуем.

На следующий день, столь же ясный и солнечный, как и предыдущий, «посольство» двинулось в путь с солидным опозданием – сначала долго меняли постромки у передней лошади, а затем лопнули полозья сразу у двух саней. Пока ремонтировали да меняли, прошло около двух часов, так что на ночлег стали, еще не дойдя до утесов, расположившись прямо на берегу и выставив надежную стражу. Место для ночлега князь Хряжский, вняв настойчивому совету Егора, выбрал самое что ни на есть удачное – на возвышении, откуда и степь и река как на ладони. Да еще воины (посланные тем же Егором), устроив во льду проруби, облили склоны холма водой – причем делали это не торопясь, вдумчиво и долго, так что все, кому интересно, могли за их занятием наблюдать – даже издалека, хоть во-он из-за тех деревьев, что росли узкой полоской вдоль противоположного берега.

– Плакучие ивы, – поглядывая на потрясающе красивый золотисто-алый закат, ностальгически улыбнулся Вожников. – А нам все равно, а нам все равно, хоть боимся мы волка и сову...

– Какую сову, княже? – недоуменно обернулся орясина Хряжский.

Здоровуший, в богатом, накинутом поверх теплого кафтана плаще и бобровой шапке, он чем-то напоминал Егору портрет типичного феодала из старого учебника истории. Этаким угнетатель крестьян, тиран.

– Да никакую сову, – молодой человек улыбнулся в ответ со всей возможной искренностью. – Просто вспомнилось кое-что.

Хряжский хохотнул:

– И мне вспомнилось! Как-то, отроками ишо, девок мы по таким ивнякам ловили.

Подъехавший ближе царевич сказал:

– Насчет пушек я распорядился уже.

Орясина-князь недовольно почмокал губищами – не очень-то нравилась ему такая ситуация, когда им командовали, тем более – вот этот татарский выскочка, да что делать, приходилось терпеть – на все воля великого московского князя Василия Дмитриевича.

Егор, как мог и если удавалось, сглаживал эти противоречия.

– А что, князь Иван, пушкар-то твои как, изрядные? – спросил он.

Хряжский сразу же приосанился, подобрел:

– Хо! В галку на лету попадут... а то – в ворону аль в воробья даже! Хы-хы...

Захохотал гулко, закашлялся, не обратив внимания на колкие слова Яндыза – мол, из пушек-то мы по воробьям бить не будем.

Заозерский молодой князь тоже поулыбался, а потом, перекрестясь широко, промолвил со всею серьезностью:

– Дай Бог, удачно все завтра сложится.

– Ни-чо, княже! – снова захохотал Хряжский. – Главное, чтоб напали.

А вот это он верно сказал. Егор глубоко вздохнул и непроизвольно поежился: скорее бы все уже началось. Скорее бы!

Рано поутру, как начало светать, дозорные заметили в степи чьи-то стремительные тени – кто-то пронесся конной лавой да снова исчез в тумане, быстро, впрочем, рассеивавшемся, таявшем под лучами морозного зимнего солнца.

Обозные неспешно – никто особо не подгонял – собрались и столь же неспешно пустились в путь, на котором, как помнил Вожников со слов Яндыза, имелось два очень даже неплохих местечка для нападения и одно – относительно удачное: там все же широковатое было.

– Н-но!!! – щелкая кнутами, покрикивали возницы.

Весело скрипел под полозьями снег, пахло свежим навозом и дымом костров, еще не успевшим рассеяться, раствориться меж берегами. Ехали так же неспешно, как и собирались – не гнали лошадок, не тратили зря силы.

Верные люди заозерского князя внимательно присматривали за Тимохой. Тот вел себя спокойно, ничего необычного не примечая, ну, разве что впереди уже шли другие сани, не те, что вчера, да и позади – так и все и правильно, менялись!

Через пару часов пути впереди замаячили синевой утесы – огромные, казалось, до самого неба, они стиснули реку своими корявыми заскоруждыми пальцами с такой недюжинной силой, что думалось, лед вот-вот затрещит, вскрыется, и весь обоз сгинет в разверзшейся водяной пучине. Кстати, если хорошая пушка да ядро поувесистей – пробьет ли лед? Егор озадаченно сдвинул на затылок шапку – наверное, может и пробить. При особо удачном раскладе.

Первые сани уже втянулись в расщелину, на ускоренье, вмиг стало темно...

– Тимоха Карась лоскутом синим правый рукав обмотал, – подскочив, доложил Егору юный безусый еще воин. – Об куст рукав ободрал, так говорит – чтоб весь-то не истрепался.

– Об куст, – усмехнувшись, Вожников потер руки. – Ну-ну.

Пришпорив коня, подскочил к Яндызу, что-то шепнул... Тот кивнул, посылая гонца к ехавшему впереди Хряжскому.

– Ну, все, – Егор ощутил в груди некое томление, гулко забилося сердце. – Сейчас начнется, сейчас...

Он положил руку на эфес сабли, в любую секунду готовый взмахнуть клинком, командовать... и теперь ждал первого выстрела.

Бухх!!!

Полное впечатление, что это, громыхнув, лопнул, раскатился на камни утес – такое было эхо!

Рвануло огнем откуда-то сверху... И снизу сразу слышались отклики: бабах, бабах, бах!

Полетело ядро в последние сани – плохо прицелились, упало рядом, лишь взвились, истошно заржав, лошади.

Егор махнул клинком.

Раз!

Вздернулись на санях борта, как на ладьях – насады, защищая воинов и обозных от летящих с утеса стрел.

Два!

Последние возы – заозерские, с «сюрпризами» – развернулись боками, и, дождавшись показавшихся на реке всадников, изрыгнули из пушечных жерл огненную жаркую смерть – бабах!!!

Как и приказал Вожников, сначала ударила легкая артиллерия – та, что быстрее перезарядить – гаковницы, ручницы – всего было припасено в изобилии. Запев кларнетами – фьють-фьють – полетели во врагов ядрышки – небольшие, сантиметра два-три в диаметре. Хоть и не столь уж легко попасть в скачущего из гаковницы – почти что ружья, однако ж в столь сученную массу – да запросто!

Сразу слетело с коней с дюжину человек. Валясь в снег, жалобно заржали кони. Животных-то было жаль, а вот людей – ничуть. Разбойники, вражины!

Однако же лиходеи быстро опомнились, вновь поскакали, замахали саблями, стрелами затмили небо!

И вновь сверкнул клинок молодого заозерского князя. Теперь уже небо запело гобоем – бу-у-у – то стреляли тарасницы, орудия посерьезнее, калибром сорок пять миллиметров. А потом – снова взмах клинка – ба-ба-бах!!! – ухнули басом «великие пушки».

И сразу – кларнеты-ручницы – успели уже перезарядить, да им в помощь – арбалетные стрелы, а вражьи-то в высоких бортах застревали!

Татарское разбойное войско сметал огненный смерч! Флейты, гобои, басы – ручницы, гаковницы, тарасницы, тюфяки, великие пушки – все рявкали в строгой последовательности, одна за другой – и здесь, в арьергарде и – хорошо слышно было! – впереди. Даже не дошло дело до сабельной рубки! Вернее, враги до нее просто не доскакали – не успели, да и куда – на верную гибель? Как тут поскачешь, когда впереди – словно kloкочущее жерло вулкана, огненный рой, музыка боя! Автор «партитуры» Егор, вполне довольный произведенным впечатлением, горделиво вздернул бороду и снова взмахнул саблей – на особо упертых нашлась и картечь! А получите! Нечего мирных гостей обижать. Натё!

Полчаса – и все было кончено. Конечно, и многих обозников настигли татарские стрелы, но то, что случилось с врагами... Нервным лучше не смотреть! Одно кровавое месиво, фарш, где не разберешь, чья голова – человечья ли, лошадиная?

– Да-а-а, – медленно пустив коня в сторону убитых, Вожников убрал саблю в ножны, с улыбкой глядя на скачущего к нему Яндыза. – А я что говорил? Артиллерия – бог войны!

– Ты о чем, князь?

– Как там у вас?

Царевич радостно расхохотался:

– Так же, как и здесь. Даже, пожалуй, повеселее. Да, предателя мы убили – пытался бежать.

Кто-то из воинов, осматривающих трупы, повернул голову к Вожникову:

– Княже, тут, кажись, наши! По-нашему, по-русски ругается.

Егор спешился – среди крови и осколков костей что-то сильно блестело. Доспех? Наверное, это какой-то богатый мирза, пусть и не предводитель, однако ж может кое-что рассказать.

Точно, мирза! Золоченое зеркало, изысканный, заляпанный кровью и чужими мозгами плащ.

– Говоришь по-русски? – Вожников наклонился... и едва успел увернуться от брошенного в него кинжала.

На бросок, впрочем, ушли все последние силы мирзы – татарин сразу же умер, еще до того, как стража забила его копьями.

– Ну вот, – обиженно протянул Егор. – Не зря сам великий Костя Дзю говорил, что боксера каждый обидеть может...

– Умры, сабака!!!

Еще один недобитый враг – надо же, живой и прыгучий, сволочь! – выскочил из-за убитой лошади, словно черт – или, в данном случае, шайтан – из бутылки. Взмахнул саблей:

– Умры-ы-ы!!!

Бух... Быстрый хук слева – и прыгун вернулся в прежнее положение, правда, теперь уже со сломанной челюстью и без сабли – клинок упал в снег.

– Но не каждый успевает извиниться, – все же закончил мысль Егор, прежде чем отдать приказание воинам не трогать пленного. Лучше уж допросить.

– Я сам могу допросить, если позволишь, – хмуро ухмыльнулся Яндыз. – Я знаю, как.

Едва обозники скрылись, прихватив с собой своих раненых и убитых – последних не в снег же зарывать, – как вдруг, словно сам собой, шевельнулся труп лошади, из распоротого брюха ее, еще дымящегося кровью, вылезла наружу тонкая человеческая рука, откинула прочь кишки, и вот уже выбрался – словно родился – юный, лет, может, четырнадцати или пятнадцати, отрок, темноглазый, с русыми, испачканными бурыми ошметками волосами. Огляделся, скривился от боли, потрогав помятую генуэзскую кирасу, еще называемую бригадиной. Сталь спасла от ядра, а вот кольчуга бы – вряд ли.

Поглядев в небо, юноша возблагодарил Аллаха и, припадая на правую ногу, заковылял к утесам.

Где-то рядом с ним прошмыгнул волк или одичавшая собака – еще неизвестно, кто хуже! Подросток выхватил из-за пояса нож и упрямо сжал губы, по всей видимости, намереваясь дорого продать свою жизнь. Оглянулся – ага, вот еще одна тень, а вон – за сосной – две! Стая! Как глупо, глупо, спастись от урусутских пушек и погибнуть вот так, от волчьих зубов...

А звери уже подходили ближе, сжимали кольцо, и видно стало – волки. Серые, отощавшие, голодные. Сейчас набросятся, вот сейчас – вопьются в горло, как будто мало им еды – вон сколько убитых! Или... или им просто захотелось поиграть, удовлетворить свой охотничий инстинкт?

– Идите вон! – махнув кинжалом, словно бы указывая путь, крикнул отрок. – Спускайтесь вон туда, к реке, там сыщете всего вдоволь.

Оп! Вожак стаи – мощный, с широкой грудью и желтыми, с подпалинами боками – повернул лобастую голову, словно бы внял словам... принялся... И вот уже вся стая побежала за ним к трупам.

Мальчишка перевел дух... и снова услышал шорох. Кто-то спускался с горы...

– Азат! Ты жив? Вот это чудо!

– Эрчин-бек! Благодарение Аллаху – подаренный почтеннейшим Ильясом-хаджи доспех оказался крепким.

– Рад! Рад, что ты жив, парень. А эти собаки...

– Я узнал одного... Разглядел. Раньше думал, что он утонул – ан нет. Он убил отца, Эрчин-бек! Я обязательно отомщу!

– Отомстишь, да. Конечно. А сейчас пошли, у меня еще остались воины. Как славно, что я тебя повстречал.

Глава 3

Будь моим гостем

Надоело! Надоело все. Господи, господи, как же медленно тянется время, тащится, словно ленивый, запряженный в скрипучую повозку вол, и в этом времени утопаешь, вязнешь, как в патоке, чувствуя, как медленно, без малейшей надежды выплыть, погружаешься в самый глубокий омут, омут ничегонеделания и расслабленной, навалившейся неизвестно откуда лени.

В славной ордынской столице Сарай-ал-Джедид Вожников и все прочие находились уже около двух месяцев – а «великое посольство» все еще не устаивали аудиенцией ни хан Булат – или Пулат-Темюр, как его звали на местный манер, – ни сам великий эмир Едигей, «делатель королей», сиречь – татарских ханов. Приняли, правда, с почетом, грех жаловаться, предоставили для жительства просторный караван-сарай на самой окраине города и даже иногда звали на пиры – но о деле, о том, ради чего сюда посольство и прибыло, упорно говорить не желали. Ни Булат, ни его кукловод Едигей. И Егор прекрасно понимал – почему. Витовт! Вот в ком причина. Ждали результатов посольства, надеясь переманить великого литовского князя на свою сторону. И в самом деле, какая ему разница – кому из ордынских родов помогать? Была бы выгода.

Ну, да, конечно, наверное, имели место и старые обиды – ведь именно мирза эмир Едигей вместе с ханом Тимур-Кутлугом разгромил объединенное войско Витовта и Тохтамыша на реке Ворскле, но тому минуло уж больше десяти лет – вполне можно было бы и забыть, политика – штука переменчивая, а князья и ханы – не экзальтированные барышни, чтобы сидеть, надув губы, вспоминая бывших врагов. Именно так, вероятно, и рассуждал Едигей, к тому же сам хан Булат ничем таким перед литовцами не провинился – вот посольство от своего имени и заслал.

Витовт, конечно же, тоже тянул – тевтонцы, Москва, да тот же братец Ягайло – нынешний король Польши – врагов хватало, хватало и таких друзей, которые куда хуже врагов, а потому великий литовский князь осторожничал, тщательно просчитывая все возможные выгоды от союза с Булатом... или от сговора с Джелал-ад-Дином. Кстати, был еще царевич Керимбердей и... Яндыз, насчет которого Вожников вовсе не терзался никакими сомнениями. Ясно было, зачем юный чингизид, наплевав на смертельную опасность, поперся с посольством в Орду – свою выгоду ищет. За Яндызом, по тайному велению Егора, конечно, приглядывали, да и сам царевич об этом не мог не догадываться, поскольку дураком вовсе не был и при аналогичной ситуации поступил бы точно так же. Кстати, его возможные связи в ордынской столице следовало использовать, не сидеть же сложа руки!

Подойдя к окну, молодой заозерский князь усмехнулся – вот уж сложа-то руки он не сидел! Ждать, конечно, надоело, оно так, но ведь и действовал – потихоньку, очень и очень осторожненько нащупывая подходы к ханскому «совету министров» – дивану. Еще лучше – к гарему бы, но там запросто башки лишиться можно, по первому же подозрению, все ж диван есть диван, а гарем – гарем! Ханские жены – это не какие-нибудь там вельможи, которых в любой момент одного на другого заменить можно запросто.

Со стрехи над окном – высоким, двустворчатым, со вставленным в свинцовый переплет стеклом – уже который день капало, и во дворе набралась изрядная лужа. С ней, конечно же, управлялись вооруженные метлами слуги, разгоняли воду, однако за ночь лужа набиралась вновь. Оттепель, предвестие весны.

– А весной дороги встанут, – отойдя от окна, вместо приветствия бросил Егор вошедшему Яндызу. – Скоро уже. Что скажешь, царевич?

Чингизид был в аксамитовом синем азяме – кафтане с длинными рукавами и сборками, щегольски накинутом поверх узкого чекменя из тепло-коричневого сукна с серебряным кружевом и узорочьем. Положив руку на эфес привешенного к поясу-татауру кинжала, он кивнул:

– Да, скоро. А ответа от Витовта до сих пор нет – вчера верный человек доложил.

– Чего ж сразу-то не сказал? – попенял сиятельному приятелю Вожников. – Договаривались ведь.

Яндыз пожал плечами, привычным жестом попытался поймать пальцами ус... ан не было уже длинных усов-то – сбрил в конспиративных целях.

– Я и хотел. Да поздно уже было – людина моя ночью явилась.

Вожников спрятал улыбку. Ага-ага... как же. Просто не хотел человечка своего подставлять, вдруг да Егор бы полюбобытствовал... или князь-орясина Хряжский – дурак дураком, но на подлость вполне способный. Все правильно, а как же.

Отношения между царевичем и заозерским князем установились ровные, можно сказать – дружеские: Яндыз из-за своего происхождения в бутылку не лез, разговаривал спокойно, и даже вот, докладывал князю, советовался, хоть он и чингизид, а Егор, честно-то говоря – черт-те кто и сбоку бантик. Нет, князь, конечно, и ватажников под его хоругвями почти десять тысяч... да! Еще две пилорамы и три лесовоза, два «Урала» с «фишками» и один «Вольво», тракторы и на дальней делянке – трелевочник. Вот! Есть у Яндыза трелевочник или «Урал» с «фишкой»? Ага, нету! Тогда и не фиг выпендриваться – и что с того, что чингизид и Тохтамышев сын?

Впрочем, Яндыз и не выпендривался, держался просто и явно был себе на уме.

– Значит, ответа нет, – указав рукой на скамью, Егор уселся за стол, налил из кувшина вина в два серебряных кубка, прищурился и повторил: – А дороги ведь вот-вот встанут.

Чингизид снова попытался покрутить ус, да махнул рукой:

– Думаю, эмир от лица Булата пошлет к Витовту новых людей. И очень скоро.

– Вот именно, – Вожников встрепенулся, пристально посмотрев в умные карие глаза собеседника. – Когда пошлет? Кого? Мы должны это знать.

– Должны, – кивнул Яндыз, задумчиво посмотрев на кубок. – И больше скажу – посланцы не должны выехать из Сарая!

Хорошо сказал, правильно. Именно так рассуждал и сам заозерский князь – мало ли чего еще пообещает Витовту эмир? Вдруг да литовский князь и прельстится да вместо Джелал-ад-Дина станет помогать Булату?

– Н-никогда! – видимо, подумав о том же, царевич гневно хватанул кулаком по столу.

– Александр Македонский, конечно, герой, – не выдержав, хохотнул Егор. – Но зачем же стулья ломать?

– Искандер? – Яндыз недоуменно похлопал глазами. – При чем тут Искандер? Витовт, конечно, великий правитель, но с Двурогим не сравнить же!

– А мы не будем сравнивать, – улыбнулся Вожников. – Мы действовать будем. Твой человек как? Сможет все разузнать вовремя?

– Сможет, – уверенно сказал царевич. – Булат когда-то отобрал у него красавицу жену.

– И после этого допустил к себе? – искренне удивился князь.

– Он маленький человек. Не мирза, не вельможа, не бек... Кому они нужны – маленькие люди? Кто их всерьез опасается? Конечно, никто. Да никто моего человека и не проверял, а мозольщик он знатный.

– Кто-кто?

– Моет хану ноги, мозоли срезает, ногти стрижет.

– Понятно, – кивнул Егор. – Галантерейщик и кардинал – это сила! Хорошо, славный Яндыз, еще немного подождем известий от твоего человека. И если посольства к Витовту не последует...

– Они не выедут из Сарая, – сверкнув глазами, еще раз заверил молодой чингизид.

Хан Пулат-Темюр – Булат, распахнув красно-желтый бухарский халат, сидел в низеньком креслице, опустив ноги в серебряный таз с горячей водой, и, блаженно прищутив глаза, внимал рассказчице – слепой старухе Гаиде-ханум, вдохновенно повествующей о подвигах славного Чингисхана.

– И повелел господин убить всех своих врагов, – нараспев струился тихий скрипучий голос. – Одного убили на охоте, второму отрубили голову, третьему сломали спину и бросили собакам.

– Вах-вах, – покачал головой Булат. – Собакам! Вот так всем им и надо, врагам! Ах, как бы я хотел вот так сломать спину Джелалу! Что ты притихла? Говори, старая Гаиде, рассказывай дальше!

Старуха продолжила свою песнь, и хан все так же внимал в полудреме, то проваливаясь в сон, то вновь поднимая голову. Желтокожий, с круглым лицом и светлыми, чуть скошенными глазами, Булат не был красавцем, однако считал себя самым сильным мужчиной в Орде – а как же, у кого ж еще имелся такой вот гарем?! Даже у эмира Едигея, и у того... впрочем, эмир уже стар, и власть его становится все слабее, что с одной стороны – плохо, потому что эмир всегда поддерживал Булата, а с другой – хорошо: зачем поводырь зрячему человеку? Может, пришло время и совсем избавиться от него? Нет, рано – слишком много кругом врагов. Вот бы договориться с Витовтом, и... Или лучше принять помощь Москвы? Но москвиты всегда помогали Тохтамышу! Так и Витовт помогал Тохтамышу! Ах...

Хан скривился, словно от зубной боли, и, потянувшись к распахнутому сундуку, вытащил оттуда горсть серебряных монет – дирхемов:

– Возьми, славная женщина. Эй, слуги! – правитель Орды хлопнул в ладоши. – Живо зовите мозольщика. А ты, Гаиде-ханум, пой еще.

Старуха, довольно улыбнувшись, спрятала деньги под юбку:

– Эта песнь уже кончилась. Какую другую желаешь ты, мой повелитель?

– О белой верблюдице. Ну, ту, что поет Ай-Лили.

Ай-Лили... Старая Гаиде скривилась, услышав имя ненавистной соперницы – молодой, красивой, богатой. О, она сама сочиняла песни, эта гнусная кобылица Ай-Лили, правда, песни-то все выходили глупые, особенно та, что про белую верблюдицу... Но мужчинам они почему-то нравились: и сама Ай-Лили, и ее глупые песенки. Ну, понятно, почему... Эх, быть бы помоложе! Хотя... можно привязать к себе хана другим, сделавшись нужной. О, нет, вовсе не песнями, и не... ну, об этом и говорить-то уже поздно, а вот о другом... Сказительница Гаиде-ханум хоть и старая – недавно пошел пятый десяток – и слепая, однако далеко не глухая и не такая глупая, как эта гнусная дурочка Ай-Лили. О, кое-что Гаиде-ханум слышала, прямо здесь, во дворце – уверенный в себе и давно забытый голос. Сперва даже подумала – обозналась, послышалось, однако вот теперь полагала, что нет. Тот был голос, тот...

– Эй, старая! Ну, так ты поешь про верблюдицу?

– Нет, мой господин.

– Что-что?

Непонятно, чего было в голосе великого хана больше – удивления или гнева? Наверное, все-таки удивления: как это так, какая-то там слепая старуха...

– Мой господин, я хочу предупредить тебя об опасности, – понизив голос, уверенно произнесла Гаиде-ханум.

– Об опасности? – хан удивленно моргнул. – Ты?! Что же ты можешь знать?

– Кое-что могу, мой повелитель, – встав на колени, старуха поклонилась, коснувшись лбом кошмы – гибкая еще была все же.

– Ну... говори, – подумав, милостиво согласился правитель. – Что там у тебя?

– Нам бы с глазу на глаз...

– Вот мерзкая карга! Да нет здесь никого... Говори!

– Совсем недавно я слышала голос, мой повелитель. Здесь, в твоём дворце.

Булат саркастически рассмеялся:

– Голос, ну надо же! Я тоже иногда слышу голоса. Да и вообще, в моём дворце немых нет... ну, разве что кроме некоторых особо доверенных слуг и евнухов. Голос она слышала... И чей же?

– Это был голос царевича Яндыза!

– Что-о?! – Гневно дернув ногой, хан Булат выплеснул воду на пол: – Яндыза?! Этого гнусного выродка? Так он же в Москве! Подвизается в слугах у лесного князька Василия... чингизид называется! Срам! Постой, постой, старая! Яндыз – здесь, в Сарае, во дворце, в моих покоях?! И никто его до сих пор не узнал?!

– Дворец большой, мой повелитель. Я слыхала голос Яндыза в людской, на заднем дворе. Ну, там, куда привозят дрова, припасы, где всегда толчется много народу, самого простого народу, мой господин.

– Еще раз говорю тебе, глупая: его б узнали тотчас!

Гаиде-ханум упрямо покачала головой:

– Узнали б, если б приглядывались. Но кто будет приглядываться к простолюдину? До мелких людишек никому и дела нет. Усы можно сбрить, бороду и волосы подстричь, перекрасить – переменить внешность легко, мой государь. А вот голос... Голос не сменишь!

– Это точно был Яндыз?! Ты утверждаешь? – Поразмыслив, хан счел за лучшее отнестись к словам сказительницы на полном серьезе – слишком много при дворе плелось интриг, а хан Булат вовсе не был глупцом, хоть иногда и производил подобное впечатление.

– Да. Яндыз. Раньше я слышала его голос часто. Запомнила, как зрячие запоминают лица.

Гаиде-ханум не стала вдаваться в подробности и упоминать о том, что когда-то была подругой той верной няньки Яндыза, казненной по приказу Булата. Что было, то быльем поросло, никогда не нужно жить прошлым.

– Так-так, – озадаченно промолвил правитель. – Значит, если верить тебе – Яндыз здесь, в Сарае! Интере-е-сно, с какой целью пожаловал? Что он говорил?

– Ничего тайного. Обычные слова, о чем говорят на людях. О погоде, о скоте, о детях. Даже имени ничьего не назвал.

Хан недовольно прищурился:

– И что? Где его теперь прикажешь искать, старуха? Сарай-ал-Джедид нынче, конечно, не такой большой, как до разорения Хромцом, но все же... тысяч сто жителей, пожалуй, наберется. Урусуты говорят – иголку в стоге сена легче найти.

– Найдем, – спрятав ухмылку, заверила Гаиде-ханум. – Я запомнила и второй голос. И не раз слышала его во дворце... как раз в твоих покоях. Услышу еще раз – обязательно вспомню, кто.

– Хорошо, – согласился хан. – Я подумаю, как это лучше сделать. Пока же можешь идти и явишься по первому моему зову... Эй, слуги! Да где ж наконец этот шайтан мозольщик?

Орясина князь Хряжский от безделья устроил во дворе караван-сарая забаву: велел слугам вкопать у забора кол да наперебой со своими воеводами швырялся в него комьями глины – кто скорее собьет. Веселая вышла забавушка, истинно молодецкая. Жаль, зрителей мало-вато было – постоянный двор отдали посольству целиком, и местная шантрапа тут не шлась. Правда, мальчишки, услышав богатырский смех, за забор все же заглядывали, и даже, обнаглев, забрались на растущие рядом деревья, смотрели во все глаза, ставки, стервецы, делали.

– Эй, Айгиль! Свистульку свою, новую, против твоей пращи – на того вислюсого!

– Моя праща против твоей дрянной свистульки?! Да ты совсем страх потерял, Аллахом клянись!

– А победит-то не вислоусый, а вон тот здоровенный батыр! На него, Айгиль, ставь – не ошибешься.

– Батыр? Вислоусый... Ладно, покажь твою свистульку! Она хоть свистит?

Егор тоже вышел на галерею – полюбоваться, поглазеть – с чего такой шум? Сразу узрев плечистую фигуру Хряжского, искал глазами Яндыза и, не найдя, удивился – что же царевич-то, спит еще? Не похоже, никогда не дрых чингизид до полудня, даже если и ложился поздно.

Подозвав одного из своих воинов, Вожников послал его в каморку царевича – именно так, в каморку, опять же, отведенную Яндызу в чисто конспиративных целях.

– Нету господина Абыза, – вернувшись, доложил слуга. – Говорят, и не возвращался еще.

– Ну, нет так нет. Как вернется, доложишь.

Абыз – так звали в обозе царевича. Князь Хряжский, конечно, обо всем осведомлен был, однако, помня наставления Василия Дмитриевича, язык зря не распускал – уж на это-то ума хватало. И еще кое на что – ишь, какую забаву нынче удумал!

Моросивший с утра дождик перестал, и в прорывах желто-жемчужных облаков проглядывало широкими полосками зеленовато-лазурное небо. Со двора пахло верблюжьим и конским навозом, у хозяйского птичника, важно переваливаясь в грязи, галдели гуси. С галереи – караван-сарай стоял на невысоком, спускавшемся к Волге холме – неплохо просматривался город. С мощеными улицами, кирпичными и каменными домами, керамическими трубами канализации и водопровода, с мечетями и церквями – ордынская столица являлась центром православной Сарайской епархии – и круглыми уютненькими площадями, чем-то – наверное, платанами и фонтанчиками – так похожими на парижские. Вот выйдешь на улицу, закроешь один глаз – и вылитый бульвар Сен-Мишель или, скажем, Клиши, разве что без секс-шопов. Честно сказать, Егору нравился город – чистый, уютный, зеленый, правда, так толком и не оправившийся от разорения Тимура. Вообще же, не везло в последнее время Орде – то чума, то тот же Железный Хромец Тамерлан со своими непобедимыми туменами. Не везло. Однако и того, что еще возрождалось, для общего впечатления хватало, а уж Вожникову – точно имелась возможность сравнивать. Та же канализация, водопровод, фонтаны, стекла в окнах, сады... ах, сады! Они уже и сейчас, казалось, пахли яблоневым и вишневым цветом, хотя и рано было еще.

– Ай, вай! Давай, давай, батыр! Не промажь!

Ах, как орали мальчишки! Впрочем, не только они, среди зрителей хватало уже и взрослых, тем более, что князь-орясина Хряжский, желая славы, велел распахнуть настежь широкие ворота. Смотрите, любуйтесь русской удалью молодецкой!

– А ну-ка, гони свистульку! Обещал!

– Так я...

– Давай, кому говорю! А не то ка-ак плесну в морду!

Тот паренек, что со свистулкой, попытался было, соскочив с дерева, убежать, затеряться, как парижский гаврош в Сент-Антуанском предместье, да не успел малость – ухватили его за шиворот, хряснули в нос да, пустив юшку, отобрали свистульку. А и поделом: не играй почем зря, не хвастай! На прощание еще и пинков надавали – совсем скис пацан, заныл, заплакал, потащился вдоль улицы, воровато кулак недругам своим показывая: мол, ужо, позову старшего брата, он вам...

– Бача! Эй!

Мальчишка остановился, огляделся, зыркнул вокруг глазами заплаканными зелеными – его, что ль, звали? Иль показалось, ослышался? Да нет, по уху-то не били.

– Парень!

Из-за дерева да меж заборами, где рос старый платан – оттуда и звали. Тихо так, но слышно. Подойти? Ага... Башир подошел как-то... лучше и не рассказывать.

– Монету хошь?

Ага, ага, бедолагу Башира именно так и зазывали, а потом...

– Да нужна мне твоя медяха!

– Так не медяха. Дирхем.

– Дирхем?

Снова показалось, что ослышался. Нет, правда – неужто о дирхеме речь шла? Это ж сколько свистулек можно будет у косоного Хайнуллы на старом рынке купить! Дюжину! Да что там дюжину – больше, намного больше! И пусть этот шайтан Айгиль со своими друзьями описается от зависти! Да. Так!

– Так как насчет дирхема? Или я другого кого попрошу.

– Не, не надо другого! – совсем позабыв про печальную судьбу Башира, парнишка подбежал к платану. – А чего делать-то?

– А то, чего я скажу. И зря языком не болтать – это лишнее.

Шмыгнув носом, ордынский гаврош – звали его Зуятом – с надеждой воззрился на прятавшегося за платаном человека в синем азяме поверх коричневого, испачканного чем-то бурым – то ли грязью, то ли кровью – чекменя. Карие глаза, русые волосы, бородка, шапки нет – потерял, видно, или украли, ухарей тут, в этом районе, хватало. На вид человек вполне приличный, не какой-нибудь там махробатный пес. Махробат – так багдадские да ургенчские купцы развалины старые называли – трущобы. Может быть, это даже и не простой человек, а... скажем – приказчик! Или даже – сам торговый гость, торговец живым товаром, уважаемый всеми человек! Напали на него нехорошие люди, видно, вот и...

И дирхем! На ладони – маленький, блестящий... дюжина свистулек! Больше!

– Ну, что смотришь? Бери.

Зуят несмело протянул руку... оп! Есть монетка! Теплая! За щеку скорей ее, чтоб не потерять.

– Фто делать-то?

– Вон караван-сарай, видишь?

– Уву.

– Зайдешь, найдешь – сам найдешь, особенно не выспрашивая! – Егора-князя, скажешь, здесь я, ранен – помощь нужна... Быстро и тайно. И не в караван-сарай. Понял все?

– Уву, уву...

– Да вынь ты дирхем – подавишься. Все сладишь – еще один получишь.

– Еффе?!

– Беги, давай.

Застонав, незнакомец схватился за руку и откинулся к толстому стволу дерева, впрочем, Зуят этого уже не видел – со всех ног мчался к караван-сарая.

– О! Гляньте-ка! Плакса Зуят прибежал. А что, Зуят, у тебя еще есть свистулька?

Эх, сказать бы вам – срыгнули бы с зависти! Дирхем! Ва! Два дирхема – ва, Алла! Господи, господа, не сглазить бы.

Никто за гаврошем и не смотрел – кому надо-то? Шмыгнув в ворота – а там уж вся толпа и была, – мальчишка пробрался к дому, заглянул на галерейку... Ап! Кто-то крепко ухватил его за ухо, да так, что аж искры из глаз – не вырвешься!

– Ты что тут, пес, шастаешь? Небось украсть чего хочешь?

– Не-а, я к хозяину, Казиму-хаджи.

Неместный схватил – урусут – то Зуят понял сразу, потому про хозяина караван-сарая и вспомнил, если б другой кто схватил – по-другому бы разговаривал. Дирхем... Ммм... Нет,

один дирхем все же лучше тетушке Фатьме отдать. Да, так лучше будет. Зато на другой – свистульки!

– Ай, пусти, да?

Освободили ухо, оно запылало, да не до него сейчас – Зуят живенько в дом бросился, на заднюю, для слуг, половину. Там вдруг и углядел на лестнице важного господина – красивого, как весеннее солнце, в алого аксамита кафтане с золотой тесьмой, при сабле. Тут уж никаких сомнений не оставалось: повезло – вот он, Егор-коназ. Сразу-то к нему гаврош, конечно, не сунулся – наказ раненого накрепко запомнил. Выждал, проследил, прошмыгнул – поскребся, как кот, в дверь.

– Ну, входи, кто там?

– Я, господин, к вам.

Егор-коназ, как видно, хорошо понимал по-татарски и даже ничуть не удивился, на лавку кивнул – садись, мол. Уважительный и, видно, не злой, хоть и князь! Сильно он этим Зуяту понравился.

– Вы, господин, Егор-коназ? – все же уточнил мальчишка.

– Ну-ну! – князь моргнул с таким нетерпением, будто только Зуята и ждал. – Тебя послал кто-то? Говори, не бойся.

– Я, господин, и не боюсь. Друг твой в азыме синем тут, недалеко, за платаном, раненый.

– Понял. Молодец. На вот!

Золотой!!! Вот это да! Вот это подфартило!

– Идем, господин, я провожу.

Князь Егор покусал ус:

– Беги пока. Жди за воротами. А я сейчас.

Проводив задумчивым взглядом неожиданного вестника, Вожников быстро позвал к себе самых верных людей:

– Местечко тайное в городе присмотрели, да?

Те поклонились:

– Так мы докладывали, княже.

– Помню, – Егор нахмурился. – Теперь другое придумать надобно – как туда кой-кого доставить, чтоб не прознал никто.

Питейный дом – майхона – Федохи Утырка, как и положено всем подобным заведениям в мусульманских странах, находился за городской чертой. Впрочем, вполне в зоне свободного доступа, поскольку в ордынских городах не было стен – ханы опасались восстаний и предпочитали не иметь укреплений, чтоб, в случае чего... в общем, действовали по принципу «бей своих, чтоб чужие боялись».

Федохе Утырку отсутствие городских стен было на руку – клиенты приходили часто, распивали, конечно – за тем и являлись, – развлекались с падшими девками, играли в зернь и прочими нехорошими излишествами занимались, за что платили хозяину майхоны сполна кто звонкой монетой, кто продуктами, кто ковер из дома тащил, а кто-то и последний халат снимал – всякое бывало. Обо всех своих клиентах-пьяницах, в магометанском обществе явно порицаемых, Утырок, как и подобает, во всех подробностях рассказывал начальнику округа, вернее, конечно, не самому начальнику, а его заместителю, кривобокому Кариму Истузи, по совместительству – смотрителю местного рынка. Так себе был рынок, мелкий, в основном рыбки, зеленщики да торговцы всякой теребенью – да Карим не жаловался, мзды хватало, да еще вот майхонщик Федоха информацию сливал. Сливал осторожно, далеко не на всех – иные и самому по крайней нужде могли пригодиться-понадобиться, как, к примеру, тот же Рустам-хали, смотритель фонтанов, или даже... Нет. Такие люди обычно и не «светились», приезжали тайно. Вот как эти парни, мелкие приказчики из Бельджамена, застрявшие в Сарае до схода льда. А что? Приплыли по осени с караваном судов, теперь летней водной дорожки ждали. Скучали, а сюда,

в майхону, приходили веселиться, да уже, похоже, спускали последние денежки, вот уже и до имущества докатились – ишь ты, богатый какой ковер волокут! Неужто хорасанский?

– Здоров, Федоша, нам бы в покои отдельные.

Ясно, что в отдельные. Майхонщик потеревил рыжую бороду, поклонился: платили эти парни исправно, а то, что до ковра пропились – так с кем не бывает? Федоша всегда относился к людским порокам терпимо, с них ведь и жил.

– Вона, по лестнице поднимайтесь, покуда другие питухи не пришли. Ковром-от платить будете?

– Им, Федоша, им!

Идущий впереди молодец с усиками и бородкой, подмигнув майхонщику, засмеялся. Судя по накинутаой поверх обычного кафтана дорогой однорядке на волчьем меху – он и был в этой компании за старшего, видать, сам купец или его ближний помощник. Что ж, люди – по всему – надежные, опять же – не в первый раз. Можно и ковром взять, можно. Уж не краденый же, хотя... а хоть бы и краденый – так что с того? Честно сказать, барыжил частенько Утырок, разбойным товаром вовсе не брезгуя.

– На ковер-от взглянуть надоть.

– Так приходи, погляди. Заодно вина принесешь.

– Уж в этом не сумлевайтесь!

Четверо знакомых парней, плюс их главный приказчик – пятый. Ничего и никого подозрительного, да. А ковер-то можно потом соседке продать, молочнице Рашиде, она возьмет с удовольствием и откуда ковер – не спросит.

Пока Федоша распоряжался насчет вина и закуски для новых гостей, пока бегал самостоятельно проверить доставленных осетров, пока с рыбаками ругался, пока то да се, время и пролетело – оглянуться не успел, как уже ближе к вечеру, пора б и ковер посмотреть, а то, бывает, подсунут всякую рвань, потом ни за что не продашь и никаких денег не выручишь. Пора! Пора ковер посмотреть, а как же!

Прихватив с собой кувшин с красным вином, майхонщик ловко вскарабкался по приставной лесенке на второй этаж, куда до того спровадил «приказчиков» вместе с ковром. Те уже веселились, пили, усевшись прямо на кошму в низеньком, под самой крышей, помещении с небольшой жаровней. Сидели не так просто, один все ж за входом поглядывал, как лестница закрипела – высунулся:

– Кого там несет-то? Ты, что ль, Федоша?

– Я. Кому ж-от и быть?

– Оно и правда. Влезай... Парни! Кабатчик еще вина принес! Цельный кувшин.

– Вот это славно! Ковер-то растаскивайте – пуцай поглядит.

Когда, передав кувшин, хозяин питейного заведения влез-таки в каморку, ковер уже был растянут вдоль дальней стеночки, придержали за кромочку, насколько смогли. Смеркалось на дворе, а тут-то и давно было темно, лишь тускло горела свечечка. Однако ж Федоше Утырку света вполне хватило – разглядел опытным глазом и ворсистую шерсть, и изысканно витиеватый рисунок. Он! Хорасанский! Такой ковер немало серебра стоит.

Кто-то прошептал в ухо, обдав перегаром:

– Щупай, щупай ковер-то, гляди!

– Да я уж вижу... помятый. А тута, в углу – моль.

– Сам ты, Федоша, моль! За ночь пропьем – возьмешь?

– За ночь? – прикрыв рукой алчно сверкнувшие глаза, Утырок еле сдержал радость. – Возьму, пожалуй – больно уж вы люди хорошие.

– А еще, – подмигнув, все так же настойчиво зашептал главный, – с купцами из Кафы-города нас сведешь иль с гостями сурожскими. И ковер – твой. Лады?

– Лады. Как раз сегодня, может, и заглянет сурожец один – почти каждый день заходит.

Тут же по рукам и ударили, а сурожского гостя, как тот только явился, кабатчик живенько под крышу настропалил-спровадил. Мол, компания там веселая, а внизу, в майхоне – скучновато нынче.

Сурожец не упирался – влез. Там, наверху, и выпили, и договорились. Караван синьора Сергио Карабатти, купца из Солдайи-Сурожа, отправлялся в Крым завтра с утра – лучше и не придумаешь.

– Возьмете с собой нашего товарища – он из тех мест, – рекомендовал веселый молодой парень со щегольской бородкой и усиками.

– Из тех мест? – Карабатти недоверчиво посмотрел на молодого человека с бледным – даже в свете тусклой свечки – лицом и несколько болезненным взглядом. Кстати, и правая рука его оказалась перевязанной кровавой тряпичей, видать, совсем недавно бедолаге изрядно досталось.

– Си, синьор, – широко улыбнувшись, по-итальянски отвечал раненый. – Будьте уверены, я и мои слуги не доставим вам никаких хлопот.

– Так вы хотите взять еще и слуг?

– Конечно. Я же благородный человек!

– Но...

– И за все заплачу щедро.

В ладонь купца скользнули рейнские гульдены... некогда захваченные Егором еще в Стокгольме. Много тогда поимели – нынче на все авантюры хватало.

– Бене, – тут же согласился купец. – Хорошо. Я вижу, вы и впрямь благородный человек, синьор... э-э-э... скузи...

– Можете звать меня – синьор Моска, – ослабившись, пошутил Яндыз.

Шутить он сейчас имел полное право – это именно его, раненого, только что протащили через весь город завернутым в ворсистый ковер. Душно и не очень удобно – но дело того стоило, от погони удалось оторваться, ни один местный шайтан ничего не заподозрил. Ну, тащат ковер... В майхону? А хоть бы и в майхону, есть ведь и среди мусульман пропойцы, а эти-то – ясно видно – не правоверные, а... Купцы, приказчики – чего с них взять-то? Одно слово – презренные винопийцы!

– Только это, – сразу предупредил купец. – Мне надо вернуться к утру в гостевой дом синьора Феруччи, что на улице Золотых Ослов, напротив русской церкви.

– Это далеко? – Егор обернулся к Яндызу... благородному синьору Моске.

– О, нет, – отозвался тот. – Хорошее, красивое место. Там еще фонтан в виде позолоченных ослов – отсюда и название. Если идти пешком – часа через три будем.

Вожников только ахнул:

– Ох, ничего себе – недалеко!

– Так ведь Сарай – город немаленький.

– Вот и завели б хоть какой-нибудь городской транспорт, трамвай там, конку... или хотя бы омнибус, что ли.

– А что такое... то, о чем вы сейчас сказали, достопочтимый синьор? – допив размерами напоминавшую ночной горшок чашу, с большим интересом спросил итальянец. – Трам-вай... кон-ка... омни...

– Самое простое, конечно, омнибус, – охотно начал Егор. – Это такое маршрутное такси на конной тяге... Ну, карета, обычный воз, колымага, едет всегда по одному и тому же пути, скажем, от причалов до... главного рынка или мечети. Те, кто не хочет тащиться три часа пешком, как вы нам тут всем рекомендовали, может купить би... заплатить вознице, сесть и спокойно ехать.

– Так-так-так, – озадаченно протянул купец. – Молодой человек, да вы – гений! И я знаю, кому продать эту вашу идею. Моему покровителю и другу синьору Феруччи, человеку весьма богатому, знаете ли!

– Идет, – подумав, согласился Вожников. – Только имейте в виду – я тоже в доле. Создадим товарищество на паях – «Сарай-сити-тур» или что-то вроде.

– Да, да! – громко зашептал купец. – Так мы и сделаем, вложимся, все трое – а вы еще и поможете советами. Главное только – дать мзду визирю...

– Лучше уж самому хану, – засмеялся Егор. – ООО «Золотая Орда» – транспортные услуги.

– Есть Синяя Орда и Белая, – словно бы к чему-то прислушиваясь, тихо промолвил Яндыз. – Есть еще и Ногайская, но – Золотая? О такой никто не слыхал, но... название очень красивое, я запомню.

К запьяневшему сурожцу вызвали крытый паланкин, где вместе с купцом, вовсе не таким уж и пьяным, с комфортом поместился и царевич Яндыз – «синьор Моска».

– Я тотчас же пришлю твоих верных слуг к офису синьора Феруччи... – напутствовал беглого приятеля заозерский князь. – В смысле – к его конторе... на улицу Золотых Ослов. Удачи, и да хранит тебя Бог!

– И тебе удачи, брат, – прощаясь, чингизид улыбнулся. – Спасибо за все. Если б не ты... Егор отмахнулся:

– Пустое. Я ж не так просто тебе помог. Помни, друг мой, зачем мы сюда явились. Я знаю Пулат-Темюра – Булата, знаю Едигея и даже Джелал-ад-Дина. Слыхал и знаю, чего от них ждать. А вот царевич Керимбердей – для меня загадка, впрочем, и не только для меня.

– Ты прав, друг, – Яндыз попытался укунить собственный ус... не достал, сплюнул. – У Керимбердея не так много воинов... но очень много денег. Ему верят генуэзские банкиры, он для них свой. А имея деньги, не трудно достать и войско. Керимбердей жесток и умен, он умеет ждать. Пусть дерутся за престол Едигей и Булат с Джелал-ад-Дином, пусть ослабляют друг друга – пусть. Наступит время, и Керимбердей своего не упустит, это хитрый, жестокий и властный человек.

– Поэтому ты к нему и поедешь.

– Я понял, – усмехнулся царевич. – Все будет, как надо. И еще раз – благодарю.

– Мы встретимся...

– Я найду тебя сам, князь Егор, не сомневайся... ведь еще в моих силах изменить что-то на этой земле.

Вторую часть фразы чингизид произнес по-тюркски, приглушенно-мечтательным голосом, каким обычно читают свои вирши поэты, пишущие о неземной любви. Опасный был товарищ этот Яндыз, царевич без трона, если хоть что-то в этой жизни и любивший, так только этот самый трон.

Проводив взглядом расходившихся в предрассветной дымке гостей, майхонщик Федоха Утырок первым делом еще раз внимательно осмотрел ковер, раскатав его в главной гостевой зале и не пожалев для света полдюжины восковых самых лучших свечей. Ах, какой знатный ковер, да сам падишах не отказался бы от такого! Какой рисунок, какая шерсть! И новый ведь, совсем новый! Вот уж, поистине, Господь лишает пьяниц остатков разума. И это такое чудо – вот так запросто взять и пропить? Ну и ну.

Поцокав языком, трактирщик припал щекой к теплему ворсу, улыбнулся... и почувствовав что-то мокрое, дотронулся пальцами, лизнул... Кровь! Определенно – кровь. Так вот, значит, откуда у них такой дорогой ковер. Небось грабанули кого-то, разбойнички-лиходеи... Впрочем, это не его, Федохи, дело. Грабанули и грабанули – и что с того? Мало в Орде грабежей? На том, если уж к слову, когда-то все ордынское государство встало... как вот сейчас

встает солнышко, алое, словно кровь. Воздух кругом дрожит, свет с небес голубых чистых льется... денек-то, видать, морозный будет, хоть и недалеко уже до весны.

Царевич говорил о некой Ай-Лили, куртизанке, певице или что-то вроде – она имела вход в ханский дворец, одновременно не чураясь и иных вечеринок, где с этой известной в определенных кругах женщиной можно было познакомиться. Быть может, не так просто, но, во всяком случае, стоило попытаться, ибо Ай-Лили являлась сейчас, после поспешного бегства Яндыза, единственной ниточкой к хану.

Да! Сведения о посольстве царевич все-таки добыл, и в нужном месте посланцев ждала засада. В живых не остался никто, о чем и похвастался-доложил князь-орясина Хряжский. Вожников лишь головой покачал:

– Эх, Ваня, Ваня. Прежде чем убивать, спросить надо было.

– А мы, думаешь, не спросили? – гулко расхохотался здоровяк князь. – Еще как спросили, у меня знаешь какой палач? Всем катам кат!

– И что?

– К Витовту они ехали с поручением. Помощь против Джелал-ад-Дина да Керимбердея просить.

Егор ничего не ответил – и так уже все знал, а больше – догадывался. Догадки подтвердились... и что? Булат-хан по-прежнему не очень-то торопился звать «москвитов» для официального разговора. Встречу настоятельно нужно было ускорить, и помочь в этом могла только Ай-Лили, местная сказительница и певица, выступающая нынешней ночью в особняке синьора Амедео Феруччи, авторитетного работяги, предпринимателя и банкира, время от времени кредитующего и самого хана. Вот к Феруччи-то – на улицу Золотых Ослов – Вожников к вечеру и отправился, вот этак запросто, по-наглую, можно сказать.

И неожиданно для себя получил самое доброе расположение хозяина – едва только сослался на свое недавнее знакомство с сурожским купцом Карабатти.

– Да, да, синьор Карабатти – мой добрый приятель и старый друг, – покивав, итальянец с интересом взглянул на собеседника, отрекомендовавшегося «новгородским купцом». – Вы хотите мне что-то предложить? Какое-нибудь дело?

Пронзительные черные глаза торговца сверкнули из-под кустистых бровей неожиданно жестко и требовательно.

– Вообще, знаете ли, я не любитель пустопорожних бесед, – подумав, счел уместным пояснить синьор Феруччи.

Весь какой-то нескладный, сутулый, с тощими, затянутыми в темные штаны-чулки, ногами, он, тем не менее, вовсе не производил смешное или даже забавное впечатление. Может быть, благодаря умному и жесткому взгляду, или даже скорее – лицу: сильно вытянутое, смуглое, с длинным горбатым носом и холеной бородкой, это было лицо не купца – аристократа и воина. На груди купца, поверх синего бархатного кафтана, сверкала тонкая золотая цепочка самой изящной работы, к поясу, кроме кошель, был привешен изрядных размеров кинжал, впрочем, изящный ничуть не менее, чем украшение на груди.

– Видите ли, мой старый друг Сергио – Сергио Карбатти, это я о нем говорю – прекрасно знает об этой моей слабости и, коли уж рекомендовал вас, так видно, не зря. Говорите же! Что вы хотите предложить? И имейте в виду, уважаемый, я вовсе не привык зря терять время.

– Не потеряете, – хмыкнув, заверил молодой человек. – Дело вот в чем: Сарай-ал-Джедид – очень протяженный город...

Идея о маршрутных такси поначалу вызвала у купца лишь презрительную улыбку, но чем дольше он слушал, тем более благосклонным становился взгляд черных глаза, тем живее шевелились брови. Под конец беседы синьор Феруччи, явно волнуясь, уже начал перебивать:

– Так-так! Значит, повозки едут всегда по определенным улицам, да? Я правильно понял?

– Совершенно правильно, любезнейший господин, – широко улыбнулся Егор. – И хорошо бы разные маршруты... пути... сделать одного цвета – ну, повозки выкрасить, возниц в кафтаны обрядить. «Зеленый» пусть, скажем, от рынка до старой мечети, а «синий» – от ханского дворца до гавани. «Красный» можно вообще вкруговую пустить.

– Да-да-да! – довольно кивал синьор Феруччи. – Я даже знаю, кто будет возницами. Греческая община – я перед ними в долгу... не по деньгам, нет, скорее, в моральном плане.

– Ну, это ваши дела – кого хотите, того и ставьте.

Они говорили по-татарски. Оба знали его неплохо, итальянец, естественно, лучше, но и Вожников в бытность свою в Орде подучил, да и потом не забывал – болтал с супругой, редко упускавшей случая продемонстрировать свое красноречие, тем более – на чужом языке.

– И ведь денег-то на это дело много не надо – повозки должны быть дешевые и, самое главное, вместительные, удобные – чтоб люди могли на каждой остановке садиться в них без помех.

– Так, так, – поглаживая бороду, покивал синьор Феруччи. – Значит, арба не подойдет – колеса слишком высокие.

Егор фыркнул:

– Ну, скажете тоже – арба! Шайтан-арба, кстати – Среднеазиатская железная дорога.

– Какая-какая дорога? Железная?

– Ну, об этом еще говорить рано. Маршрутки наладим пока, а там поглядим. Верно?

– Угу, угу... – почтеннейший негодичант весело сверкнул глазами. – Белиссимо! А вы не такой простой молодой человек, как показались мне поначалу.

Вожников кашлянул, про себя недоумевая – с чего бы это он показался вдруг простачком?

– Понимаете, ведь я же не первый год здесь, – словно прочтя его мысли, купец пустился в пространные разъяснения; как видно, ему иногда нравилось чувствовать себя ментором, – и хорошо знаю все и всех. И о вас... ваше сиятельство, конечно же, слышал. Вы ведь герцог Заозерский Георг, Джорджио, так?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.